

 Дурманенная

Банкир миллиардер # 3

ДЖОРДЖИЯ ЛЕ КАРР

В «Сорок 2 дня» мы ликовали, когда узнали о втором шансе, выпавшем для Ланы, разобраться в своих отношениях, с главным действующим героем, Блэйком, которому своим побегом она причинила огромную боль. Мы с радостью воспринимали известие о рождении Сораба, и чувствовали напряжение, когда читали, как Лана смело сражалась и, наконец, победила могущество влиятельной семьи Баррингтонов, и опять завоевала доверие и сердце мужчины, которого обожает. Но Лана по-прежнему нуждается в ответах на многие животрепещущие вопросы? Много секретов и они все так запутаны? И сможет ли она получить ответы, которые ищет? Блейк, наконец, говорит на чистоту по поводу Виктории, и сообщает Лане о своей истинной любви к ней, но будет ли это решением всех проблем? Опять она встречается с Маркусом, но уже при других обстоятельствах. Сможет ли Лана сохранить свою решимость и преодолеть все препятствия на пути, претендуя на Блэйка, как на своего мужчину? Книга содержит реальные сексуальные сцены, предназначена для 18+

•

Джорджия ле Карр
Банкир миллиардер #3
Одурманенная

Способ делать деньги состоит в том,

чтобы покупать, когда на улицах льется кровь.

Джон Д. Рокфеллер

Блейк Лоу Баррингтон
Апрель, 2014

Стук в дверь Lanesborough Suite четкий и громкий. Я бросаю взгляд на часы — очень пунктуально. Мне нравится. Я открываю дверь и... Моя, моя, она красавица: длинные до пояса прямые светлые волосы, великолепные большие глаза и алые губы. Лана почти никогда не красит губы такой красной помадой. Она одета в длинное, белое пальто с поясом на талии и очень, очень высокие каблуки. Они напоминают мне туфли Ланы, которые она надевала в тот первый вечер, когда я встретил ее.

Она жует жевательную резинку, я ненавижу это. Она должно быть насмотрелась слишком много фильмов о добропорядочных проститутках. Я вытягиваю руку, ладонью кверху и жду. Мгновение она бестолково смотрит на меня. Я поднимаю брови, и она поспешно вынимает жвачку изо рта и кладет ее в мою руку, потом она вопросительно смотрит на меня и нахально накрывает своей ладонью мою.

— Ты не хочешь пройти первой? — спрашиваю я, забавляясь, но не показывая этого.

— Конечно, — говорит она и проходит мимо. Ее акцент несколько странный, должно быть создала его искусственно, она проходит вперед.

Я закрываю дверь и смотрю на ее спину, у нее хорошая походка. Мне нравятся

женщины, которые могут двигаться с грацией. Она останавливается перед кофейным столиком, на котором стоят свежие фрукты и бутылка шампанского в ведерке со льдом, и поворачивается ко мне лицом. Какое-то мгновение я рассматриваю представшую картину — она вписывается в соответствующий английский декор, состоящий из традиционных принтов и ситца, переплетающийся со смелым ядовито-зеленым и розовым от Скиапарелли.

— Прости, как тебя зовут?

— Румер.

Я улыбаюсь, имя ей подходит, именно такие как она и способствуют сплетням. Хотя имя явно ненастоящее.

— Бокал шампанского?

Она выставляет одну ногу вперед, это выглядит невероятно эротично.

— Я хотела бы в первую очередь получить всю сумму.

Я не реагирую на провокацию.

— Деньги под лампой.

Она бросает взгляд на аккуратную стопку денег, и расстегивает пальто, бросив его на диван позади. На ней одето очень короткое белое платье. Не произнеся ни слова, она отворачивается от меня и изгибается в талии так, чтобы ее задница теперь выпирала вперед, и ее юбка задирается кверху по гладким бедрам, и я мельком замечаю другую вещь, которую указал — киску без единого волоска, уже припухлые губы и покрасневшие, и замечаю скапливающуюся влагу.

Я сразу же становлюсь жестким, как ад.

Застыв в такой позе, она медленно пересчитывает деньги. Я сдерживаю сильное желание протаранить ее, пока она ведет свой счет. Она кладет последнюю банкноту наверх кучки и поворачивается ко мне.

— Все точно?

— Ага, — медленно отвечает она, ее искусственный акцент претерпевает еще одно изменение. — Все правильно.

Я устремляюсь к ней и кладу руку между ног, которые она услужливо раздвигает шире, и мои пальчики начинают играть с влажной плотью.

— Итак, Румер, что мне делать с тобой?

— Мистер Баррингтон.

— Блейк, — твердо говорю я, продолжая исследовать шелковистые, влажные складки.

Она повторяет вздохнув.

— Блейк, мы можем делать все, что угодно, даже некоторые странные вещи, но за дополнительную плату.

— Какие странные вещи входят в дополнительную плату? — я погружаю средний палец в нее.

Она задыхается и прикусывает нижнюю губу, я наблюдаю за этим с радостным удивлением.

— Вы клиент. Скажи мне какие странные вещи вы хотите, и я сделаю.

— У тебя много вызовов?

— Не очень. Был один.

— Расскажи мне, что он делал с тобой?

— Он жестко трахал меня.

— Насколько жестко?

— Так жестко, что я не в состоянии была идти на следующую встречу.

— У тебя назначена другая встреча после меня?

— Нет.

— Хорошо.

Она поворачивается спиной, поднимает свои тяжелые золотые волосы, подставляя мне молнию, я тяну язычок вниз, и оно медленно спадает на розовый ковер. Я прохожусь рукой по обнаженной коже, ее тело дрожит от предвкушения, разворачиваю лицом к себе. У нее очень красивое тело, а зрачки настолько расширены, что радужная оболочка почти черная. Я поднимаю ее на руки, она легкая, как перышко, и несу в роскошную, голубую спальню. Я аккуратно кладу на кровать королевских размеров с балдахином, и смотрю на незагорелое тело. Я купил ее, и поэтому в течение следующего часа, она будет делать все, что я захочу. Мысль словно разряд электричества сотрясает мое тело.

— Раздвинь ноги, — команду я.

Она моментально поднимает колени и раздвигает широко ноги так, что ее припухшие покрасневшие складочки готовы принять меня. У меня есть только один час, чтобы трахать ее, и именно это я и делаю. Ее дыхание становится тяжелым, пока я трахаю ее стройное молодое тело, скользящее напротив моего, она кричит, лежа на спине с закрытыми глазами.

Я захватываю ее груди ладонью, они идеально подходят.

— Это было здорово. Спасибо.

Она садится. Я смотрю на изгиб ее талии и бедер, и чувствую, что готов опять уложить ее на постель, и иметь ее снова и снова, но у меня осталось меньше, чем тридцать минут. Она встает и направляется в ванную.

— Не смывай, — говорю я ей.

Она ничего не отвечает, просто кивает головой.

Я слышу, как в ванной бежит вода. К тому времени, когда она выходит, я уже полностью одет.

— Я закажу тебя снова на следующей неделе, — говорю ей.

— Уверен. Договорись с агентством, — она кажется немного застенчивой.

— Хорошо.

— Мне нужно в туалет.

К тому времени, как я выхожу, она полностью одета и ждет в гостиной.

— Тебя нужно отвезти обратно? Отель предлагает бесплатный Роллс-Ройс с шофером.

Она кивает.

У меня возникает мысль, что под платьем у нее ничего нет.

— Подними платье.

Она не проявляет удивления просто плавно раскрывает свое пальто и поднимает платье, и выставляет свою киску на мое обозрение. Мое семя все еще вытекает из нее. Я подхожу к ней, и нежно дотрагиваюсь до ягодиц и становлюсь на колени. Какое-то время я просто смотрю на нее, она наблюдает за мной с любопытством. Изогнувшись, я начинаю лизать ее припухшую щель, жадно поглощая соки блестящей плоти. Она стонет. Я мог бы поиметь ее снова, если бы захотел, но я опускаю ее платье вниз и провожу до двери.

— Увидимся, — говорит она.

Я закрываю дверь и направляюсь к окну, возвышающегося от пола до потолка, и останавливаюсь, открывается прекрасный вид на Арку Веллингтона. Я смотрю на часы и краем глаза замечаю кучку денег, лежащую под лампой, которую кладу в карман пиджака,

потом достаю свой мобильный.

— Ты забыла деньги.

Она смеется.

— Отдашь мне сегодня вечером, — говорит она.

— Ты портишь мою фантазию, — говорю я ей.

— Ох, да? — ее голос полон жизненной силы.

— Да, но приятно прикасаться к парикку блондинки.

— Подумала, что тебе могут понравятся перемены.

— Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю, — говорит она мягко, и я представляю ее на заднем сидении

Bentley.

— Напиши мне смс-ку, когда доберешься до дома.

— Хорошо.

Она издает звук поцелуя, а затем отключается.

Я смотрю на часы. Еще десять минут у меня есть до моей следующей встречи с наследным принцем Мукрин Бен Абдель-Азиз дома Саудов. Я звоню в обслуживание номер, работающее двадцать часа в сутки и прошу их прислать персонал убрать номер. Дэниэль Джордан, возглавляющий службу гостиничного сервиса, прибывает меньше чем через пять минут с тремя иностранного вида горничными.

За две минуты они убрали кровать и ванную комнату, и вышли за дверь широко улыбаясь, их умение заключается исключительно в руках и способности держать рот на замке. Дэниэль осторожно удаляет жвачку с серванта, и ароматизирует воздух с еле заметным запахом роз. После этого, он занимает свое место в столовой, которая на самом деле является моей самой любимой частью этого люкса. Вскоре прибывает на тележках разнообразная еда, и официанты начинают наполнять кухню. Лаура сообщает: «Его высочество и сопровождающие лица прибыли в холл и собирается подняться». Дворецкий подходит к входной двери люкса.

Я поправляю свои манжеты пиджака.

Октябрь, 2013

Мы строим наши храмы для завтра,
сильно, как мы умеем,
И мы стоим на вершине горы,
свободные от самих себя.

Лэнгстон Хьюз

1.

Лана Блум

Когда я возвращаюсь из церкви, Блейк уже проснулся. Должно быть, он услышал автомобиль на подъездной дорожке, и поэтому ожидал меня в гостиной. Из-за голубоватых теней под глазами его глаза кажутся, словно весе небеса сгустились и оказались в этих глазах. Он слегка улыбается, похоже не совсем понимая, как реагировать на меня, и мое

сердце печалится из-за этого. Я помню, как прочитала у Джорджа Оруэлла: вы носите маску и ваше лицо подстраивается под нее.

Я подхожу к нему и прислоняюсь щекой к его груди. Он принял душ, и от него исходит запах чистоты и свежести, соответствующей моей идеи с небосводом. Я чувствую, что он утыкается носом в мои волосы. Это похоже на молитву, для которой не нужны слова, и моя любовь возрастает и делается зрелой, как созревший плод осенью. Он никогда больше не будет выдавать себя за кого-то другого, чем он есть на самом деле, или носить свою маску передо мной. Я представляю словно я Красавица, танцующая в большой бальном зале с Чудовищем, и я безумно влюблена в Чудовище.

— Я проснулся и увидел, что тебя нет, — сказал он, его голос не похож на обычный, более мягкий.

— Ты подумал, что я сбежала?

— Ты никогда не сможешь убежать от меня, Лана. Я найду тебя даже под землей, ты моя.

— Я ходила в церковь.

— Да, Брайан сказал мне. Я думал, ты не веришь в Бога.

Я смотрю на него снизу-вверх, в его словах слышится печаль.

— Если кратко, то там испытываешь невероятную грусть, но испытываешь и счастье. Для темноты там может быть свет. Я хотела присоединиться к доброте Бога, хотела попросить его о помощи.

— Ох, Лана. Ты и все верующие этого мира молитесь и молитесь, и все ваши миллиарды не отвеченных молитв, похожи на жалкое оплакивание. Твоего Бога не существует, — отвечает он очень грустно.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что, тогда бы мир не был бы таким, как он есть. И даже если он действительно существует, он наверняка не Властелин мира.

Я смотрю в его лицо, которое уже стало менять свои очертания, будучи главой династии Баррингтонов.

— Почему ты так говоришь?

— Оглянись вокруг, Лана. Вся планета — земля, воздух и моря — отравлены абсолютной жадностью, ваша еда токсична, вы подчиняетесь социопатам, которые ведут войну с боевыми действиями без ущерба для себя совершенно безнаказанно, обещая мир, в то время как сама человечество балансирует на грани вымирания. Как ты думаешь, кто управляет всем этим? Твой Бог любви и света, или мой?

Раздается негромкий стук в дверь, Блейк закрывает глаза и вздыхает.

— Может быть, мы закончим этот разговор немного позднее, — говорит он, и выглядит таким уставшим, настолько отягощенным, я желаю увести его подальше от того, что на него обрушилось.

Поэтому киваю и выбираюсь из кольца его рук.

— Заходи, — окликает он. И я вижу, как тут же меняется выражение его лица, маска власти незаметно возвращается на место, запечатав его настоящего. Ранности нет места в мире слишком яркого изобилия.

В этот момент Брайан открывает дверь и заходит, и останавливается при входе. Мужчина, который только что стоял, уткнувшись носом в мои волосы, испарился.

— Ваш брат находится на линии.

— Маркус?

— Нет, Куинн.

Я замечаю удивление на его лице. Он берет телефон, и Брайан уходит, закрыв за собой дверь.

— Куинн. Да. Нет. Вы придете? Три тридцать. Конечно, они будут там. Но тебе нечего бояться, я тоже буду, — я чувствую, как его голос становится все сильнее и сильнее. — Пока я жив, они ничего не сделают. Ты говорил с Маркусом? Ты должен позвонить ему, на него это повлияло очень сильно. Он был очень близок с... папой. Когда ты придешь? Хорошо, я пошлю кого-нибудь встретить тебя. Пока, Куинн.

Он заканчивает разговор и смотрит на меня.

— Если когда-нибудь со мной что-нибудь случится, единственно кому ты можешь доверять, Куинну.

Страх, которого я раньше никогда не испытывала, накрывает меня своей волной. И боль так глубоко пускает корни внутри у меня, что я конвульсивно пытаюсь вдохнуть.

— Зачем ты так говоришь? Тебе, что-то угрожает?

— Не думаю, но всегда полезно подстраховаться. Я принял соответствующие меры, чтобы защитить тебя и Сораба, в случае если со мной, что-нибудь случится. Ты будешь в безопасности, у тебя будут деньги и новая личность.

Я смотрю на него в полном ужасе. В этот момент он становится моим злейшим врагом. Деньги? Он спятил?

— Иди к черту, — вдруг кричу я. — Соответствующие меры, чтобы защитить меня и Сораба? Если ты умрешь у меня на глазах, я не хочу ни гребаного пенни от тебя. Это кровавые деньги.

Он шагает ко мне и притягивает меня, прижимая к своей широкой груди, я зажата внутри его объятий.

— Ничего со мной не случится. Я просто сказал это в качестве предостережения, просто у нас принято страхование жизни.

— Ты мой ангел, — всхлипываю я. — Я не могу существовать без тебя.

— Я не могу обманывать тебе, Лана. Если потребуется я пожертвую собой ради тебя, снова и снова, но при этом ты должна быть сильной, потому что у тебя есть Сораб.

— Мне кажется здесь так жарко? — я чувствую духоту, которая окутывает меня, и возникает чувство, что я могу упасть в обморок.

Тут же он внимательно вглядывается в мое лицо.

— Ты побледнела.

— Я не шучу, — говорю я, но мой голос слышится откуда-то издалека, глаза лихорадочно горят.

— Я не пытаюсь напугать тебя, Лана. Я пытаюсь заставить тебя почувствовать себя защищенной. Я могу умереть завтра, попав в автокатастрофу, и хочу, чтобы ты и Сораб, были в безопасности и у вас все было хорошо. Вот и все.

— Иди к черту, — я хочу спрятаться в его руках и сказать ему, чтобы он никуда не уходил.

— Остайся здесь, я что-нибудь принесу...

— Нет, нет, ты не вернешься. Не оставляй меня, пожалуйста.

— Все хорошо, ОКэй. Я никуда не уйду.

Снизу, с пола раздается звук, мы оба оборачиваемся на него. Сораб пристально смотрит

на нас своими большими, любопытными глазами и на мгновение, мы приходим в смущение, как будто он смотрит сквозь нас на наши измученные души. Блейк выпускает меня из своих рук и идет к сыну, наш ребенок издает пронзительный звук полный восторга, как только он поднимает его вверх. Он кладет свои две ручки на скулы Блэйка, как будто пытается завладеть всем его вниманием, и когда ему отец кивает, Сораб начинает заливаться. Блэйк подбрасывает его в воздух, ловя на лету, и он смеется заливисто и оглушительно.

Ох, Господи, о, Господи. Если бы он просто был нормальным человеком, и мы могли бы просто жить нормальной жизнью, той которую он демонстрирует сейчас, пытаюсь быть нормальным мужчиной. Он старается изо всех сил, дать нам все, что в состоянии. Да, я не знаю многое о нем, и, наверное, нам еще многое предстоит сделать, но это может быть началом нашей жизни. Ибо я собираюсь быть рядом с ним каждое утро, когда он открывает заспанные глаза.

2.

Сораб и я остаемся после завтрака с Томом, Блейк целует нас на прощание, но не берет нас с собой. Он собирается улететь так же, как и прибыл на «черном ястребе». Я прошу Тома заехать к Билли, и позвоню ей.

— Ты в порядке? — торопливо спрашивает она меня.

— Да, все хорошо. Мы уже едем к тебе.

— Кто мы?

— Сораб и я.

— Сколько по времени?

— Два часа.

— Я буду ждать, — говорит она, и внезапно обрывает звонок. Я с удивлением смотрю на телефон в руке. Странно. Я подумала, что она, возможно, захочет пообщаться, узнать что-то больше. Ну да ладно.

Я стучу в ее дверь, которая неожиданно тут же распахивается. Билли выхватывает Сораба и несется с ним в комнату, которую Билли и я специально декорировали, как детскую для Сораба. Слегка озадаченная, я закрываю входную дверь и следую за ними. Я вхожу в сине-желтую комнату, чтобы увидеть, как она кладет Сораба в его кроватку, пихает игрушки ему в руки и поворачивается ко мне с перекошенным лицом.

— Что? — спрашиваю я, и она притягивает меня к себе, обнимая так крепко, что я едва могу дышать.

— Эй, — говорю я. — Все хорошо.

Она еще сильнее сжимает меня в своих объятьях, потом через какое-то время отстраняется.

— Не ври мне, пожалуйста.

Я смотрю на нее молча, немного онемевшая от шока, хотя голос ее звучит совершенно нормально, но я вижу слезы, которые бегут по ее щекам.

— Такое никогда не будет хорошо, правда?

— Конечно, такое никогда не будет!

— Нет, не будет, нет, — бормочет она мрачно.

Я открываю и закрываю рот, пытаюсь что-нибудь сказать, но ничего не получается. Просто раньше я никогда не видела Билли такой, и это потрясает меня до глубины души. Она

всегда такая сдержанная и полная сарказма.

— Старая крыса наконец-то сдохла. Ты не собираешься рассказать мне про *эту аварию*.

Я медленно качаю головой.

— Видишь, — говорит она, новые слезы льются по ее щекам.

— Да, но теперь все кончено.

— Кончено? Разве ты не видишь, что это никогда не будет «кончено»? Я молю Бога, чтобы ты никогда не вошла в это долбанутое семейство рептилий.

Я беру ее за руки.

— Но я войду, Билл, я уже там. Я люблю Блейка всем сердцем, и он отец Сораба, — я поворачиваюсь и смотрю на своего сына, который глазеет на нас своим большими, невинными глазами, не плачет, не капризничает, но я понимаю, что что-то не так.

— Ты уверена, что сделала правильный выбор?

На мгновение эти слова, словно шипы впиваются в мое сердце. Я закрываю глаза, а затем открываю и смотрю прямо в лицо Билли.

— Я не могу без него, Билл, просто не могу.

Билли вытирает нос о рукав своей растянутой футболки.

— Разреши мне принести бумажные платки.

— Ты не сможешь. Я использовала их вчера.

— Ох, Билл! Подожди здесь.

Я захожу в ее ванную и отматываю немного туалетной бумаги, когда возвращаюсь в комнату, она продолжает стоять именно там, где я ее и оставила. Я складываю туалетную бумагу в платочек, подношу к ее носу, и говорю: «Сморкайся».

Она только молча улыбается, забирает свернутую туалетную бумагу и шумно сморкается. — Я была так испугана и растеряна эти дни.

— Ну же, давай обсудим это за чашкой чая, — подбадриваю я ее.

— Ладно, — соглашается она и направляется к кровати, забирая Сораба на руки. Мы все вместе идем на кухню. Она закрывает дверь и ставит Сораба на пол, он сразу же начинает очень быстро ползать по полу.

— Боже мой, ты только посмотри на него, — восклицает Билли, забыв все свои неприятности в данный момент.

Я смеюсь.

— Он меняется с каждым днем. Иногда я просыпаюсь утром, и могу поклясться, что за ночь он подрос.

Я наполняю чайник водой, пока Билли кладет на пол гибкий коврик из пластмассы и бросает игрушки на него. Сораб визжит от радости и быстро движется на коленках в их сторону. В это время Билли подогревает молоко для него, а я кладу пакетики чай в две кружки и заливаю кипятком на три четверти, открываю шкаф, где обычно хранится печенье, но там пусто, тогда открываю холодильник и там такая же картина.

— Хочешь молоко, банкиренок? — слышу я, как Билли спрашивает Сораба.

Он поднимает ручки и машет ими в воздухе.

— Хороший ребенок, — хвалит она, и мягко возвращает его назад на пластиковый коврик, дает ему бутылочку, и удерживает одним пальцем, пока он не захватывает ее обеими руками.

— Ты все это время не покупала никакую еду?

Билли поднимается с пола и поворачивается ко мне.

— Нет, — отвечает она, совершенно об этом не заботясь.

— Хочешь виноградное печенье Сораба?

— Да.

Я вытрясаю из пачки пару, и мы сидим рядом друг с другом за столом.

Наблюдаю как она кладет шесть ложек сахара в чай и угрюмо его размешивает, делает глоток.

— Ну?

И я рассказываю ей все, что знаю.

Она хмурится.

— Во все это немного сложно поверить, не так ли?

— Без сомнения, это намного более сложно для людей, которые слишком высокого мнения о себе, и считают, что все крутится исключительно вокруг них. Разве люди, находящиеся ниже них не должны отвалиться? Но мир крутится. Когда мы были молоды, нас учили бесспорно принимать за веру то, что нам говорили наши родители и учителя. Они учили нас тому, чему обучили их самих. А что, если они умышленно обучали нас неправильно?

— Окэй, я понимаю, что они хотят отбраковать «дармоедов». Я понимаю, почему они развязывают войны, не из-за того, что продвигают демократию и свободу, а потому, что ведут борьбу за нефть или золото в странах, или за что-то еще. Но почему они отравляют землю, воду и воздух? Разве они не дышат одним воздухом и не живут на этой же самой земле, как мы?

— У меня нет ответов, но я намерена это выяснить.

— Что действительно меня беспокоит на данный момент, насколько безопасно тебе?

Я вздыхаю.

— У меня действительно не было шанса поговорить с Блейком о многих вещах, но одно я знаю точно, если бы Сорабу или мне что-то угрожало, я бы сейчас здесь с тобой не разговаривала.

— Значит Блейк сейчас новый глава империи Баррингтонов?

— Думаю, да.

— А как к этому отнесся его старший брат? Разве он не стоит первым в очереди? И если ему ничего не светит, не будет ли он злиться и чинить падение Блейка?

Я закрываю глаза.

— На этот счет, у меня нет ответов, Билл. Я боюсь, будущее пугает меня очень сильно, но Блэйк не дурак. Он разыгрывает свои карты, держа их в тайне ото всех. Он ни разу не показал мне и даже не намекнул, что знал о том, что его отец прослушивает и ведет видеонаблюдение. Он разрешает происходить всему таким манером, как он задумал, так пусть так и будет.

3.

Я знаю, что Блейк будет дома очень поздно, потому что ему предстоит очень много всего организовать. Телефонные звонки не прекращались, пока я была с ним. Я обещала позвонить ему, когда вернусь в апартаменты, наш разговор очень короткий — он слишком занят. Я вставляю ключ в дверь и ловлю себя на мысли, что теперь это мой дом, место, где я живу своей маленькой семьей.

Столько всего произошло здесь.

Какое-то время я играю с Сорабом, затем кормлю его и укладываю спать, после чего, решаю поесть сама — готовлю жареный сыр на тосте, и съедаю его в одиночку, убираю со стола и из комнаты в комнату брожу по апартаментам, включая свет. Они словно все чувствует и молчат. Этой ночью я не могу выносить никакой груз полу мрака, потому что вижу призраков повсюду и желаю, чтобы Блейк скорее вернулся домой, звонит телефон я хватаю трубку с облегчением.

— Алло.

— Привет, моя дорогая. Я скучаю по тебе, — его голос похож на бархат, который сочится в мое ухо.

— Я тоже очень.

— Что ты делаешь?

— Ничего. Когда ты вернешься домой?

Я чувствую, как на глаза наворачиваются слезы. Столько всего произошло, что я теряюсь и это с трудом умещается у меня голове, в которой роится столько вопросов и опасений. Мы не занимались любовью с той самой ночи в Ритце, и я ощущаю насколько долго он не прикасался к моей коже и не был глубоко внутри меня. Я со всеми этими событиями забыла уже, как мурлыкать, от накатывающей на тебя волны экстаза, поэтому принимаю решение принять ванну, очень долго понежиться в воде, наполненную пузырьками и ароматическим маслом. Я укладываю голову на бортик, стараясь расслабиться.

Все наладится.

Наладиться ли *все*.

Но у меня не получается расслабиться. Я вылезаю из ванны, насухо себя вытираю, смазываю свою кожу лосьоном, который пахнет медом с примесью авокадо, валюсь в постель, чтобы почитать. Десять, но Блейк до сих пор нет дома. Я направляюсь к холодильнику и наливаю бокал белого вина, может станет лучше, если я поставлю какую-нибудь музыку. Я чувствую себя здесь заброшенной и непривычной, через какое-то время проверяю Сораба, хоть у него все нормально.

Я немного стою на балконе, и почему-то вспоминаю Джека. С тех пор, как я видела его в последний раз ничего не слышала о нем. Интересно, где он находится сейчас и чем занимается. Я поднимаю глаза к звездам и молча молюсь за него, где бы ты не находился, будь здоровым. Ночной воздух становится холодным и заставляет меня дрожать, и в конце концов я возвращаюсь в кровать и беру мою книгу. Я очень хочу дождаться Блейка, но засыпаю при чтении.

Что-то разбудило меня, он — дома. Я вижу маленький отблеск желтоватого света светильника, пробивающийся из-под двери Сораба. Тихо, стараясь не шуметь, открываю дверь и замираю, Блейк стоит у кровати, пристально всматриваясь на спящего сына, его руки с такой силой вцепились в борт кровати, что пальцы побелели. Он открыл окно, ночь на улице совершенно угольно-черная, ни звезд, ни луны. Только слегка дует мягкий ветерок, я чувствую, как он ласкает голую кожу моих рук, и из-за этого разбегаются мурашки. По стенам комнаты ползут, словно прилипая тени, мое сердце замирает.

Он внезапно резко поворачивает голову, и я оказываюсь глаза в глаза. Несколько секунд мне кажется, как будто он не узнает меня, а я его. Должно быть это результат моего зашкалившего воображения, но мне казалось, что он был похож на мощного хищника,

которого я отвлекла. Его глаза прожигают меня насквозь сердитой синевой.

— Я ни о чем не жалею, я сделал бы все снова не задумываясь, если бы представился случай, — шепчет он. Звук получается жестким и пьянящим с нотками мужского превосходства.

Мы пристально смотрим друг на друга, и ни один из нас не моргает.

Я настолько заморожена его взглядом. Этот мужчина имеет полную власть надо мной и над моей душой, и у него есть ключи от всех тайных комнат, которые я до сих пор не открыла. Они полны темных секретов, я боюсь их, потому что они страшны для нас. Мне страшно, что секреты могут нанести мне поражение, и что он не дает мне ключей, чтобы проникнуть в эти таинственные двери. Дыхание перехватывает в горле, сердце замирает, в моей голове роится такое количество вопросов, которые хотят получить ответы.

Он неразборчиво издает звук, похожий на хрип.

И вдруг я понимаю, что он прекрасен, если обстрагиваться от всего это, и такого мужчины я не видела никогда, потому что он мой мужчина, мой навсегда, и я люблю его. Я открываю рот, и слова льются прямо из моего сердца.

— Я знаю, что наша жизнь никогда не будет такой, как прежде. Я знаю, что ты заключен в ловушку мира, о котором мне мало, что известно, но я готова влезть на горы, переплыть реки, пройти босиком по тернии и камням, если мне это необходимо сделать для тебя. Я разыщу тебя, я обещаю, — шепчу я.

— Я надеюсь, что ты никогда не отыщешь меня в том место, где я существую, Лана, — слова непроизвольно вырываются из него.

Холодок пробегает по моей спине, я чувствую дрожь, и фраза сама вылетает из моего рта: — Почему ты всегда так жесток со мной?

— Я не жесток с тобой, Лана. Ради тебя я готов умереть тысячу раз. Ты никогда не узнаешь, как мне было без тебя одиноко, но ты должна понимать, что я силен лишь в том случае, если точно уверен, что ты в безопасности. И ты будешь находиться в безопасности, пока будешь непорочной. Ты никогда не сможешь прийти ко мне, всегда я буду приходить к тебе. Знание, которое ты так ищешь – яд, который будет просачиваться в твою сущность. Позвольте мне для вас и Сораба в этот раз действовать красиво и силой убеждений.

Он разбивает душу. Я подхожу к нему, и он сразу же хватает меня в охапку и прижимает к своей крепкой широкой груди. Я вздыхаю его запах, и снова чувствую страстное желание быть с ним одним целым, соединившись нашими телами воедино, соприкасаются наши души. Мне необходимо почувствовать себя опять полноценной, я столько дней не исцеленная.

— Ах, Блейк.

Он поднимает меня на руки, я обхватываю руками его шею, и приносит меня в нашу кровать.

— Твои пальцы совсем холодные, — говорит он.

— Прости.

— Не извиняйся.

О, Господи, горячие слезы текут у меня по щекам.

Он наклоняет голову и его тень возвышается надо мной, я слышу, как кровь стучит в висках, и он целует мои слезинки.

— Капли росы, — шепчет он. — Я никогда не мог предположить, что они могут быть так похожи.

Я сглатываю, пытаюсь остановить слезы, но они не продолжают литься.

Он кладет меня на кровать.

— Меня всегда поражают насколько шелковистые у тебя волосы, — тихо говорит он про себя.

И этого должно быть достаточно, чтобы толкнуть нас друг другу. Это необходимо.

— Ты словно мечта, как будто нереальна. Я не перенесу, если проснусь, а тебя не будет, — говорит он шепотом.

— Я не мечта. Ты веришь в то, что два человека могут разделить настолько глубокую любовь, которую никто и никогда не сможет отнять?

Он не отвечает, просто смотрит в мои глаза с такой любовью, что мое сердце трепещет. Изображение перед глазами становится более четким, слезы остановились и кровь начинает пульсировать в моей голове.

— Ничего не говори, Лана.

Он прав, в этом нет необходимости. Его палец слегка проходит по моему горлу, я резко выдыхаю. Я не жажду его прикосновений. Он оставляет свой палец на бьющемся пульсе. Нежность жеста настолько завораживает, что вызывает раскаленную боль между бедер. Его рот приближается все ближе и ближе, пока губы не встречаются с моими, я поддаюсь, чтобы отведать его. Ах...

Он проникает в мою душу.

В полумраке нашей спальни, время остановилось.

4.

Я просыпаюсь в полной темноте, дрожа и моментально понимаю, что я с завязанными глазами и голая. Мои руки связаны за спиной, но ноги свободны. Мои ноздри полны запаха влажной земли и опавших листьев. Камни и ветки впиваются в мою спину. Вокруг полная тишина. Я не помню, как сюда попала. Где Блейк? Где Сораб?

Внезапно воздух пронзает отчаянный монотонный и далекий крик.

Что это, черт побери?

Я не двигаюсь ошарашенная и застывшая. Драгоценные секунды проходят, сдерживая свое дыхание и усиленно вглядываясь в черноту повязки. Затем приходит чувство, что приближается нечто отвратительное, запугивающее,двигающееся по кругу.

Мои губы шевелятся:

— О Боже!

Он набросится на меня, как только приблизиться с жестокостью не поддающейся описанию. Судорожно, я утыкаюсь лицом в землю, царапаясь о острые камни. Повязка смещается совсем незначительно, но достаточно, чтобы я смогла понять, что нахожусь в темном лесу.

Я вскакиваю на ноги, покачиваясь, со связанными руками за спиной, и пошатываясь начинаю двигаться в сторону жуткого леса. Холодный ветер хлещет мне в лицо. Коревые ветви задевают и бьются о мое обнаженное тело. Я подскользываюсь на мхе, падая на землю, но заставляю себя подняться, и бежать вперед, не разбирая направлений. В полной панике, я смотрю назад, но из-за окружающей темноты невозможно ничего разобрать, она окутывает все вокруг, сгущаясь еще больше. Но я чувствую, что он идет за мной по следу. Я чувствую чуткий холод, исходящий от него, словно он тянется ко мне своими длинными щупальцами,

пытаясь дотронуться до меня, прежде чем полностью захватить.

Я пытаюсь сделать несколько больших вдохов: мои легкие горят. И вдруг слышу пение мужских голосов, низких и гортанных, моментально разворачиваюсь, меняя направление, и начинаю бежать в их сторону. Через щель в повязке я вижу, что они не далеко стоят вокруг большого костра на поляне. Все в длинных черных и красных одеждах с капюшонами, натянутыми низко на лицо полностью скрывающими их, от них чувствует исходящая угроза. Я помню их, они все присутствовали в том странном месте, на балу. Они все знают намного больше, чем могут сказать.

Они и есть братство Эль.

Вдали на расстоянии я вижу свет от фонаря и мне бы лучше было пойти в его сторону, но уже слишком поздно, поскольку они все повернулись в мою сторону, заметив меня. Я уставилась на них испытывая ужас и до смерти перепуганная, съедаемая этим ужасом. Они начинают двигаться ко мне, я разворачиваюсь и бегу и слышу, как они за начинают преследовать меня. Они двигаются намного быстрее, чем я. Я слышу, как они приближаются ко мне по их тяжелому кряхтению. Они почти достигли меня.

Я спотыкаюсь и падаю на землю на корни и переплетенные ветви. Они окружают меня, и я смотрю на безликие фигуры, испытывая беспомощный страх.

— Ты не можешь убежать.

Я цепенею. О Боже. Нет! Этот голос. Я точно знаю этот голос, пытаюсь взглянуть в темноту внутри капюшона. Мимолетное движение, и я вижу блестящие черные глаза, которые смотрят на меня в упор. Я узнаю эти глаза.

— Но ты умер.

Отталкивающий хлюпающий скрежет вырывается у него. Они падают на меня, их руки скользят везде – по груди, между ног. Я пытаюсь их ударить и бороться, но это совершенно бесполезно. Невозможно устоять против захватывающих и дергающих сильных рук, я слышу, как они перешептываются о своем коварном плане, вызывающим полный ужас.

Этим они бросают меня вниз, вниз в замороженную яму ада.

Вдруг я слышу крик. Ребенок. Мой малыш. Мой Сораб.

Руки по-прежнему остаются на мне, но они останавливаются, повернувшись в сторону голоса. Они хотят не меня... не меня.

Я вижу Блейка, стоящего вдалеке вместе с Сорабом.

Нет, нет, нет. Быстро, быстро, нужно что-то сделать. Беги. Я открываю рот, пытаюсь закричать, чтобы предупредить его, но не вылетает ни звука. Они забрали мой голос, уже слишком поздно. Я опоздала и от бессилия начинаю тихо выть.

Я чувствую, как меня трясут за плечо.

— Проснись. Это всего лишь сон.

Мои глаза открываются, как по щелчку, и Блейк глядит на меня сверху-вниз. Я смотрю на него в полном замешательстве от пережитого ужаса, и моя голова еще не прояснилась от пережитого страха, я обвиваю его руками, отчаянно хватаясь.

Он пытается уложить меня обратно на подушку, но я не в состоянии оторваться от него. Я отстраняюсь, чтобы посмотреть в его глаза.

— Я боюсь за тебя.

— Не из-за чего бояться, — его голос звучит так нежно. Он укачивает меня, как маленького ребенка, в своих объятиях и осторожно убирает прилипшие волосы к моему влажному лбу и заплаканным щекам. — Все кончено. Все кончено, — монотонно повторяет

Он.

Мой сон был настолько реальным, что я до сих пор нахожусь под впечатлением от испытанного ужаса.

— Мужчины. Много мужчин в капюшонах... в лесу. Кто они?

Он хмурится.

— Какие мужчины?

— Они хотят вернуть тебя к ним.

— Это просто ночной кошмар, Лана. Нет никаких мужчин в капюшонах. Ты в безопасности. Здесь...

— Твой отец, там он был живым.

Его глаза смотрят на меня сурово.

— Мой отец умер, — его голос становится безэмоциональным и резким.

Я прислоняюсь своим лбом к его груди и рыдаю.

Снова и снова он убеждает меня, что это всего лишь сон. Простой кошмар, пока я не засыпаю, убаюканная его объятиями.

Я просыпаюсь от предчувствия какого-то первородного страха, что что-то не так, мельком бросаю взгляд на часы, стоящие на прикроватной тумбочке. Еще совсем раннее утро. Странное предупреждение об опасности прожигает дыру в моей голове, которое я не в состоянии отбросить в сторону. Вылезаю из постели, натягиваю брошенную рубашку Блейка и направляюсь в комнату Сораба. Еще совсем рано, и мой сын крепко спит. Тихо, стараясь не шуметь, я открываю дверь и спешу по коридору. Блейк работает в гостиной, склонившись над какими-то бумагами. Он поднимает голову, видит меня и внезапно вскакивает на ноги.

— Что случилось?

— Ничего, — говорю я, но спешу к нему, прижимаясь. Надо признать, что ничего не произошло. Ну и что, что я ощущаю это маленькое покалывание в затылке, как будто кто-то наблюдает за мной? И такое чувство, что словно затишье перед бурей? Я чувствую, как мой желудок скручивается от напряжения.

— Не позволяй себе стать рабом своих страхов, Лана, — шепчет он мне в волосы.

Как по мановению волшебной палочки, я чувствую, как страх уходит. Все в порядке. Блейк в порядке, Сораб и я тоже в порядке. И нет ничего плохого. Вероятно, это всего лишь мои слишком пере возбужденные нервы, я просто себе много на придумывала, потому что у меня нет всех фактов, я не знаю слишком многого.

Я поднимаю глаза на него.

— Хочешь, я приготовлю что-нибудь поесть?

— Нет. Единственное, кто может утолить мой голод это ты, — говорит он, покусывая мою мочку зубами. — Я никак не могу насытиться тобой, и готов поглощать тебя всю, все чертово время.

Заманчиво позволить ему наполнить меня, и может он заставит забыть меня обо всем. Мои губы расплываются в приглашении.

— Поглоти меня, в таком случае, — с придыханием шепчу я.

Он приподнимает меня за талию.

Я плотно оборачиваю ноги вокруг его бедер, обхватив руками за шею, прильнув лицом к его горлу, и позволив ему нести меня в спальню. Он аккуратно опускает меня на пол, и несколько секунд просто стоит и смотрит на меня сверху-вниз, его глаза кажутся темными и неумолимо решительными. Потом он начинает расстегивать свою рубашку, а я наблюдаю за

ним из-под тяжелых опущенных век. В моих венах внезапно начинает пульсировать закипающая кровь, когда он отрывает пуговицы, которые разлетаются во все стороны, расстегивает молнию, и предстает передо мной обнаженным. Мои глаза передвигаются по его телу и останавливаются, словно загнипнотизированные, на его стоящем члене, большом и гордом, наполненным пульсирующими венами. Я непроизвольно облизываю губы, испытывая жажду полностью ощутить его внутри, всю длину, всю жесткую толщину и всю неудержимую мощь.

Это обещание темноты.

Я хочу, чтобы он имел меня до бесчувствия, но самое важное, чтобы я была единственной, кого он видит, чувствует, хочет. Я хочу стереть все прошлое, чтобы осталась только я, взять его в плен внутрь своего тела, и сделать его своим, чтобы он принадлежал только мне. Наблюдаю, как его глаза становятся глубоко синими почти фиолетовыми, окрашенные сексуальной эйфорией. И хочу видеть, как его мощное тело содрогается и дергается, а губы беспомощно произносят мое имя в момент оргазма.

Он делает совершенно другое, нежели я представляла.

Он приземляется на кровать на колени, обхватывает меня за талию и переворачивает таким образом, что я изгибаюсь, упираясь на свои руки и колени, мой зад оказывается повернут к его лицу. Его руки задирают мою рубашку вверх, пока она не собирается кучкой под подмышками.

А я пытаюсь балансировать, чтобы не упасть, он подныривает головой к нависающей рубашке и начинает посасывать мой сосок, другой — он перекатывает большим и указательным пальцами. Необычное положение и его жадное сосание, похоже будто я четвероногий зверь, кормящая свое потомство, я запрокидываю голову назад и выгибаю спину. Он тут же отстраняется как будто, ожидал именно такой реакции, являющейся единственной причиной, по которой он поднырнул головой в задранную вверх рубашку.

Я беспокоюсь хнычу, но он, положив руку между лопаток, нажимает ею, заставляя полностью уткнуться лицом в подушку, а мои ягодицы и киска возвышаются и становятся ужасно открытыми. Но, видно эту позу он считает недостаточной для себя, поэтому поднимает мои бедра выше, пока мои колени не отрываются от матраса, удерживая жесткой хваткой мои бедра на весу, и вдалбливаясь в меня. Я кричу от шока его свирепого входа на всю длину.

Подушка заглушает мой крик.

Несколько секунд я парю между удовольствием и болью. И тогда его член, похороненный глубоко внутри меня, начинает свое путешествие. Я закрываю глаза, еще больше открывая себя, чтобы принять его всего, и жду... хотя я предвижу, но второй сильный удар заставляет меня укусить подушку.

Дикая природа насилия его толчков шокирует и все же я приветствую ее. Я хочу, чтобы он использовал меня этим примитивным способом, использовал мое тело, чтобы смог избавиться от своих демонов. Я испытываю благоговейный трепет от его мощи и своей способности противостоять жестокости его стремления. Так он трахает меня, с усилием дыша, как будто с каждым толчком выпускает всю сдерживаемую и наболевшую напряженность из своего тела.

Бешеный темп толчков делает мою киску болезненной и податливой, но внутренними мышцами я сжимаю его член, как будто дою его. Вдруг он издает звук — дикий, торжествующий, чисто мужской. И впервые, с тех пор, как я его знаю, он позволяет себе

кончить раньше меня. Это рвется из него, и он кончает, как и всегда, долго, жестко, мучительно, произнеся мое имя, словно молитву. Его член дергается и пульсирует, выплескивая горячее семя в мое отчаянно желающее лоно.

Несколько секунд он остается по-прежнему внутри меня, пытаюсь прийти в себя. Потом он выходит, и я пытаюсь перевернуться, но он удерживает мои бедра в этом весьма уязвимом положении.

Краем глаза я вижу, что он присаживается на корточки, зная, что его сперма вытекает из меня. Он запускает пальцы в мою киску и вытаскивает, обмазанные густой молочной жидкостью, размазывая его соки по всем моим складочкам и начинает втирать их, снова и снова погружая пальцы вглубь и размазывая.

— Да, — шепчу я, чувствуя, как тело начинает сжиматься и вибрировать, оргазм зарождается внутри меня.

Но он не разрешает мне кончить, продолжая дразнить, пока я больше не в состоянии терпеть, и я поворачиваю голову, умоляя его.

Он вставляет пальцы в насквозь мокрый вход и просто держит их там. Бесстыдно, я начинаю двигать своей воспаленной и жаждущей киской, пытаюсь засосать его не двигающиеся пальцы глубже и мои бедра бездумно ускоряют темп, словно при гоне животных. Я уже почти готова, поэтому это не занимает у меня много времени, оргазм накрывает меня такой взрывной силой, заставляя высоко парить и все мое тело сотрясается от вибраций, подобно желе.

Он нежно кладет меня на спину и ложится рядом со мной, положив тяжелую руку с растопыренными пальцами мне на живот. Эта рука полна обладания и собственности.

Постепенно мое дыхание выравнивается, и я понимаю, что возвратилась туда же, в начало, с целой кучей вопросов, которые по-прежнему остались без ответов.

— Я бы хотела закончить разговор, который мы начали на днях.

— Может, в другой раз, Лана, — говорит он тихо.

Мы лежим, уставившись в потолок, в полной тишине, и чем дольше затягивается молчание, тем больше я себя чувствую потерянной и одинокой. Я думаю о том, какой сейчас был секс между нами, в моей голове мелькают настолько яркие картинки, но сейчас мы словно незнакомцы. Я отодвигаюсь от него, свернувшись в клубочек, и просто стараюсь удержаться от слез. Я просто хочу помочь ему, потому что я — его женщина, но не его игрушка.

Почему он молчит? Я не сделала ничего плохого. С каждой проходящей секундой я начинаю испытывать гнев от окружающей тишины. Если бы я была Викторией, он рассказал бы мне. Я хотела бы войти в его запретные миры. Я испытываю ревность и грусть одновременно, но больше злость, чем грусть. Я сажусь и разъяренно смотрю на него вниз.

Он поворачивает ко мне лицо. Вопросительное, слегка озадаченное. Его мысли явно находятся в другом месте.

Я отвожу взгляд.

Он ловит меня за руку и притягивает к своей груди.

— Что случилось?

Я не отворачиваюсь от него, пока он смотрит мне в лицо, потому что не хочу его избегать. Я хочу конфронтации. Прижатая к его груди, я поднимаю голову, вздергиваю подбородок вверх, и вижу яркий блеск в его пристальном взгляде.

— Ты знаешь, — яростно выплевываю я, и пытаюсь выбраться, но он без особых усилий

заклучает меня в свои объятия, я полностью становлюсь его пленницей.

— Если собираешься вести себя в том же духе, я трахну тебя снова.

— И это твой ответ на все, не так ли? Без постели, я бесполезна для тебя, да?

Выражение его лица меняется.

— Что за дерьмо ты несешь?

— Я не понимаю тебя. Ты говоришь, что любишь и не можешь представить свою жизнь без меня, но ты ничего не рассказываешь мне. Мне надоело быть в неведении, Блейк. Честно говоря, это разрывает меня изнутри. Ты думаешь, я слишком глупа, чтобы все понять? Я правильно понимаю?

— Нет, не так..., — перебивает он меня.

Но я не останавливаюсь.

— В глубине души ты считаешь, что я недостаточно хороша для тебя, одна из голытьбы. Как глупо с моей стороны думать, что мы могли бы стать равноправными партнерами в отношениях. Я всего лишь кукла для тебя, не так ли? Однажды тебе надоест играть со мной, и ты просто выкинешь меня и совершенно забудешь о моем существовании.

Горячие слезы собираются в моих глаза, я пытаюсь их сморгнуть. Я не буду плакать, но чем больше я стараюсь, остановить их, тем больше мне становится жалко себя и тем быстрее они выплескивают наружу.

И тут он совершает удивительную вещь, мгновенно остановив мои всхлипывания. Намотав на руку мои волосы, он притягивает мою голову к себе, пока она не останавливается в дюйме от его лица, и начинает слизывать катящиеся горячие слезы. Сначала с одной щеки, потом с другой.

Реакция моего тела моментальная и совершенно неожиданная, меня накрывает желание.

— Не смей... не смей когда-либо снова говорить такие вещи. Они были правда однажды, но не больше. На самом деле, я не верю, что они были когда-либо верными. С той первой ночи, когда я увидел тебя, я среагировал на тебя так, как не реагировал никогда не на кого раньше. Ты забрала мое дыхание (жизнь).

— Я пытался убедить себя, что это из-за того, что ты так необычайно красива, но у меня было достаточное количество красивых женщин, некоторые из которых бросались к моим ногам, другие играли в недотрогу, некоторые наоборот несказанно завышали себя, но никогда еще я не чувствовал всепоглощающую необходимость клеймить их, как свою собственность. Спрятать их и никогда не позволить другим мужчинам оказаться рядом с ними, я не говорю о том, чтобы прикоснуться. Когда я встретил тебя, весь остальной мир перестал существовать, была только ты и я в моем мире. Я не хотел ничего большего.

Он прижимается своим лбом к моему, его слова тихо кружатся вокруг нас. Я чувствую, как он заполняет пространство своей любовью. Я так его люблю, что мне хочется кричать об этом чувстве на каждом углу. И еще я очень волнуюсь, потому что моя жизнь научила меня, что всякий раз, когда я что-то очень сильно люблю, даже если это животное, мое сердце в итоге оказывается разодранным и разбитым от потери.

— Ты должна поверить, что я говорю тебе правду. Мое сердце было заточено в неподвижный темный гроб, пока я не нашел тебя в скрытом месте в темноте своей души. Ты спасла меня.

Он мягко улыбается, сплетая свои пальцы с моими, его брови опускаются. Я не могу отвести взгляда от его грустных глаз. Этими словами он кладет свое сердце к моим ногам.

Могла ли я подумать, что он окажется благородным воином? Любовь не ведет учет обидам, и мое сердце тает. Я прощаю его.

— Тогда зачем ты так много от меня скрываешь?

Он тихо вздыхает.

— Если бы ты знала, что комната полна иголок, ты бы разрешила Сорабу ползать там?

Я хмурюсь.

— Я не ребенок.

— Я выражусь яснее. Я боюсь за тебя, боюсь, что тебя отнимут у меня. Одна только мысль, потерять тебя заставляет чувствовать боль в моем животе. Ты единственный человек, с которым я могу себя представить. Если все особняки, шахты, автомобили, бизнес, яхты, самолеты исчезнут, а ты останешься, я смогу восстановиться и начать заново, но, если все останется, а тебя не будет, я буду сломленным человеком.

Его глаза вдруг становятся влажными, он никогда не позволял себе плакать раньше. Это разбивает мое сердце. Он есть вся моя любовь, мое сердце, мое все. Я стараюсь не обращать внимание на его слезы сейчас, потому что должна знать, и я хочу раскрыть все своими силами, тем или иным способом, но я хочу узнать.

— Ты не мог заснуть прошлой ночью?

— Да, нужно слишком много успеть сделать. Телефоны не переставая звонят, по всему миру люди выражают соболезнования, — его губы изогнулись в горькой улыбке. — Если бы они только знали.

— Когда похороны?

— После завтра.

— Где?

— Нью-Йорке.

— Когда мы отправляемся?

— Ты не поедешь, — Его голос внезапно становится жестким.

Я наклоняюсь к нему.

— Почему нет?

— Потому что я никогда не возьму свою любимую в логово гадюк.

— Но я хочу быть с тобой.

— Я еду только на один день, и вернусь.

Я смотрю на него снизу-вверх.

— Блейк, я хочу быть с тобой в это время.

— Нет.

Я скрещиваю руки на груди.

— Значит, ты не хочешь меня видеть на похоронах?

— Нет, не вижу необходимости.

— Ладно, я поеду с тобой, но не пойду на похороны.

Он качает головой.

— Нет, иначе я буду беспокоиться о твоей безопасности в Нью-Йорке.

— Все будет в порядке, я останусь отеле.

— Ты будешь скучать.

— Я почитаю и буду есть в номере.

Похоже это заставляет его предпринять последнюю попытку:

— Почему тебе надо все так усложнять?

— Потому что все это время я хочу быть с тобой. Я думаю, что это существенно.

— Хорошо. Но ты должна пообещать, что не покинешь отель без меня.

— Я обещаю.

— Что насчет Сораба?

— Если речь идет только об одной ночи, оставляю его с Билли.

Он хмурится.

— Блейк, если ты не возьмешь меня с собой, я все равно прилечу сама по себе.

Он становится каким-то усталым.

— Я никогда не смогу устоять перед тобой. Да, ты можешь поехать.

— Спасибо.

— Не заставляй меня жалеть об этом.

— В смысле?

— Оставайся в гостинице, и не заставляй меня беспокоиться о тебе, — он смотрит на меня предупреждающе.

— Я не буду. Когда мы улетаем?

— Завтра.

5.

Первое, я настолько поражена люксом. Вау! Нет слов! Он стоит сорок пять тысяч долларов за ночь! Поэтому: верх этого списка представляет собой 360-градусный панорамный вид на Манхэттен через пуленепробиваемые окна от пола до потолка. Я в полном изумлении двигаюсь, бесконечно останавливаясь, через чрезмерно просторные комнаты в полном одиночестве, внимательно вглядываясь в детали, которые полностью поражают мое сознание. Спальня изготовлена из сотен тысяч кропотливо вырезанных и отполированных соломинок! Да, очень красиво, но Боже мой!

В другой комнате все стены сделаны из телячьей кожи. В библиотеке же все стены покрыты французским лаком. В ванной комнате, сама ванна сделана с бесконечным краем и каждая раковина вырезана из одной породы хрусталя. Я лежу на матрасе из конского волоса. Очень, очень комфортно. Я приподымаю крышку рояля и мои пальцы приятно путешествуют наконец-то по блестящим клавишам. Я стою целую вечность на балконе высотой семьсот футов, глядя вниз на раскинувшийся у моих ног город, наполненный непрерывной пульсацией и движением. Я бросаю взгляд на книгу, которую взяла с собой и пропускаю ее, задаваясь вопросом, что сейчас делает Блейк.

Я чувствую себя настолько одинокой и грустной, что включаю Скайп, чтобы соединиться с Билли.

— Как Сораб?

— Спит. Рюмка водки сделала свое дело.

— Не думаю, что это смешно, Билл.

Билли смеется.

— Когда-то он же должен начать.

— Согласна, но, когда ему будет тридцать.

— Ладно, как дела?

— Ну, Блейк занят встречами с людьми, организовывая все эти необходимые вещи, а я тут помираю от скуки в гостинице.

— У тебя нет ребенка, висящего на шее, почему бы тебе не отправиться и не посмотреть достопримечательности?

Я вздыхаю.

— Я вообще то обещала не покидать отель.

— Что? — кричит она. — Ты издеваешься надо мной? Ты находишься в Большом Яблоке и не собираешься выходить наружу?

— Забудь об этом, Билл. Я обещала. Он не хотел брать меня с собой, пока я не пообещала. Мы приедем в другой раз. Это не совсем неудачное время, связанное с похоронами и все другим.

— Это пахивает обязательствами.

— Не начинай, пожалуйста.

— Почему бы тебе, по крайней мере, не посетить сауну или бассейн, а?

— Возможно схожу. Я немного голодна. Может быть, я спущусь вниз и съем что-нибудь в ресторане. Но сначала, ты хочешь совершить тур по люксу? Это потрясающе.

— Давай.

Я завершаю разговор, после экскурсии по люксу и спускаюсь в холл. Я стою, всматриваясь в стеклянное окно, когда ко мне подходит мужчина и останавливается рядом.

— Вы похожи на ребенка, разглядывающего витрину кондитерского магазина, — говорит мужской голос с сильным акцентом.

Я поворачиваю голову, чтобы взглянуть на него. Он высокий, с выпирающей челюстью, в джинсах и ковбойской шляпе, возможно с юга.

— Техас, — говорит он.

— Вижу.

— Англичанка?

Я улыбаюсь.

— Да, это так заметно?

— Я собираюсь лететь в Лондон по делам.

— Правда?

— Ты знаешь, что они говорят здесь о разнице между британским акцентом и деревенским? Когда вы слышите британский акцент нужно добавить пятьдесят IQ, а когда вы слышите деревенский акцент вычесть пятьдесят.

Я смеюсь.

— Карлтон Старр. Добро пожаловать в Америку.

— Лана Блум. Спасибо.

— Ты составишь мне компанию выпить чаю?

— Ах... я вообще-то не одна...

Он запрокидывает голову и закатывается неподдельным смехом.

— Конечно, ты не одна. Эта мысль никогда не приходила мне в голову, такая красивая женщина, как вы, не может быть одна. Давай, я расскажу тебе все о своей стране, если вы расскажете мне о своей.

Я улыбаюсь. Уголком глаза я вижу, что Брайан сидит в одном из бархатных кресел, кажется, он читает книгу. Я знаю, что я полностью в безопасности, потому что не выхожу из отеля.

— Ладно, — соглашаюсь я.

Тут же он берет меня под локоть, и в действительности заставляет почувствовать себя,

словно он хороший знакомый, Билли сказала, что американцы – супер-доброжелательны. Они могут стать твоим лучшим другом при первой же встрече, таков был ее вердикт.

Я делаю всего лишь несколько шагов в направлении, куда он меня ведет, как неожиданно останавливаюсь, как вкопанная, из-за чего Карлтон сзади налетает на меня, слегка подтолкнув, что позволяет ему поддержать меня за талию. Все это время мои глаза смотрят на Блейка, который пристально наблюдает за мной взглядом, которого я никогда не видела.

Карлтон шепчет мне в ухо:

— Я полагаю, что это твой.

Блейк большими шагами приближается ко мне, его лицо враждебно и непреклонно, словно серый гранит. Когда он достигает нас, то смотрит на Карлтона сокрушительным ясным взглядом, выражающим полное презрение, хватая меня за запястье, и тащить. Блейк с такой скоростью пересекает вестибюль, что я вынуждена поспевать за ним чуть ли не галопом, чтобы не отстать. Мне становится так неловко от данной ситуации, что все мое лицо начинает полыхать. Я чувствую себя ребенком, которого схватили, чтобы наказать.

У лифта он нажимает кнопку вызова и ждет. Сотрудник обслуживающего персонала приходит и останавливается рядом с нами. Он позволяет своим глазам перекинуться с Блейка на меня, где и задерживаются на некоторое время, прежде чем опускает их, чтобы скрыть свое выражение. Мое чувство собственного достоинства разорвано в клочья, и я уверена, что все вокруг смотрят на меня. Блейк заходит в лифт, тяня меня за собой, словно на буксире.

— Не могли бы вы дождаться следующего лифта? – холодно Блейк обращается к мужчине, пытавшемуся войти с нами.

Мужчина кивает и поспешно отступает назад. Двери закрываются. Я освобождаю свою руку из хватки Блейка, и потирая запястье, спрашиваю:

— Какого черта это было?

Он позволяет себе посмотреть в мою сторону. Его голос звучит жестко контролируемо, говорящий «не задавай мне глупых вопросов».

— Разве я спрашивал тебя о чем-то?

— Что конкретно ты предположил?

Двери открываются и, взяв меня за запястье снова, он тащит в наш номер. Я разворачиваюсь и оказываюсь к нему лицом.

— Что с тобой, Блейк?

— Какого хрена ты думаешь, что что-то случилось со мной? – ревет он. — Я оставляю тебя на несколько часов, и ты начинаешь подбирать одиноких мужчин в лобби отеля?

— Ты сошел с ума? Подбирать одиноких мужчин? Все было совсем не так. Я сказала ему, что я не одна. Он просто хотел выпить чаю в компании.

— Ты уже не ребенок, поэтому не должна быть настолько глупой.

Моя челюсть падает.

— Ты совсем рехнулся. Это не то, что ты думаешь, я не собиралась идти к нему в номер. Его глаза опасно поблескивают и челюсть напрягается еще больше.

— Ради Бога, Блейк, там был Брайан. Мы просто собирались выпить чаю. Он попросил меня рассказать о Британии, он собирается начать свой бизнес здесь. Вот и все.

— Ты разрешила ему дотронуться до себя.

— Только до моего локтя!

Он подходит ко мне совсем близко.

— Как бы это сказать повежливее? Если я еще раз поймаю тебя пытающуюся выпить чай с незнакомыми мужчинами или позволяющую им положить свои руки на локоть или любую другую часть твоего тела, я положу тебя на колени и выпорю твой зад, что он будет гореть.

Я ахаю от такой несправедливости, это просто невероятно.

— Я никогда не смогу выпить чай с любым другим мужчиной, даже при самом невинном контексте?

Он скрещивает руки на груди.

— Точно.

Я начинаю смеяться.

— Это безумие. Нет, я не согласна. Не пытайся вызвать у меня чувство вины, что я сделала что-то неправильное. Он просто хороший парень.

— Ах, почему ты мне не сказала раньше? Хороший парень? В таком случае, давай. Спустись сейчас вниз и выпей с ним чай. А я тем временем позвоню хорошенькой администраторше и приглашу ее выпить чаю со мной.

Словно огонь проходит по низу моего живота. Чертов ублюдок. Он хочет другую женщину. Какая наглость! Я таращу на него глаза, стоя с открытым ртом от шока, он просто смотрит на меня с самодовольным выражением. Я пытаюсь сделать вдох выдох и взять себя в руки. Черт с ним.

— Ладно, выпью, — кричу я, делаю шаг в сторону двери. Рука молниеносно ловит мое запястье, и я врезаюсь в его тело, словно в каменную стену. Его лицо оказывается в дюйме от моего, глаза опасно блестят, мы молча несколько секунд смотрим друг на друга.

— Ты хочешь свести меня с ума? — рычит он.

— Нет.

— Я не хочу видеть рядом с тобой никакого мужчину, а уж тем более, чтобы он прикасался к тебе. Боже, я даже не могу вынести, когда вижу, как они смотрят на тебя. Ты моя.

— Он не пытался спать со мной.

Он с раздражением закрывает глаза.

— Ты не знаешь мужчин. Каждый раз, когда хотя бы один приближается к тебе, он уже представляет тебя в своей постели.

— Поэтому ты считаешь администраторшу хорошенькой.

— Возможно.

— Что? — ахаю я.

Он смеется.

— Я подтруниваю над тобой. Нет никого, только ты, Лана. Задала ты мне задачу, что я даже не могу четко мыслить, — его глаза жадно ощупывают мое лицо. — Я жажду твоего рта, кожи, волос. Каждое утро я просыпаюсь, не насытившись тобой, потом в течение дня я совершаю какие-то действия, изголодавшийся по тебе, и ночью после того, как я имею тебя, я начинаю жаждать твоего горячего, сладкого тела снова и снова. И ты реально думаешь, что любая другая женщина в состоянии утолить мой голод? На мой взгляд, это самая последняя вещь, заняться сексом с другой женщиной.

Внутри я таю.

— Но ты думаешь, она красивая?

— Не на самом деле. Сораб выглядит лучше.

— Но вы упомянул ее, значит обратил на нее внимание.

Он стонет.

— Ох, твою мать, Лана, я просто сказал первое, что пришло в голову.

— Я просто хочу, чтобы ты знал, что мне не нравится, когда меня тащат через вестибюль словно какого-то непослушного ребенка.

Он нежно проводит костяшками пальцев вниз по моей щеке.

— Тогда не флиртуй с незнакомыми мужчинами в дурацких шляпах.

— Этот раз, я не флиртовала.

В ответ он опускает руки на ягодицы и приподнимает их.

— Я так скучала по тебе сегодня, — говорю я, немного задержав дыхание.

— Держу пари, ты говоришь это всем мальчикам, — говорит он, и его рот приближается и набрасывается на меня с такой страстью, что мои ноги отрываются от пола.

6.

Мне предоставляется выбрать между четырьмя звездами Le Bernadin с его официальным дресс-кодом и престижными Мишленовскими тремя звездами или томатным соусом к мясу в Гринвич-Виллидж под названием Carbone, где Блейк рассказывает мне, избыток является хорошим тоном, и гость может не в чем себе не отказывать, т.е. ограничений нет не в еде, не в одежде. После пребывания в отеле весь день, конечно, я выбираю Carbone, который нужно бронировать за тридцать дней вперед, но, Лаура, заказывает нам столик и мне кажется, что она работает круглосуточно.

— Эта девушка хоть когда-нибудь спит? — спрашиваю я.

— Мне не приходило в голову интересоваться, — говорит Блэйк, пожимая плечами.

Я наблюдаю за ним, одетого в темно-серый костюм и черную водолазку под горло, сверх великолепен, и в моем животе начинают порхать бабочки.

Carbone представляет собой соединение жизни и шума. Оформленный в старомодном стиле фильмов про Мафию, он несет в себе, побуждение непрекращающегося действия. От рисунка на полу до выбора песен, которые любила слушать моя бабушка, Синатра, банду уличных подростков, и напыщенных веселых официантов, одетые в блестящие Либераче в стиле бордовых смокингов. Они сопровождают нас к столику в VIP зоне: задняя комната выглядит как место, где возможно встречались мощные мафиози — красная и черная плитка на полу, кирпичные стены и нет окна.

Глубокий аромат омаров поднимается в воздух с соседнего столика, когда мы садимся. Мои глаза смотрят на четырех раскрасневшихся мужчин, поглощающих блюда. У других столиках официанты кажутся перевоплотившимися актерами, которые доводят до совершенства искусство властного ресторанного капитана. Я наблюдаю за ними, как они дерзко угождают, заговорщицки наклоняются импровизируя диалог с клиентом, и целуют кончики пальцев, создавая таким образом преувеличенное обещание совершенства выбранного блюда, чтобы продать товар и одобрительно улыбаются, когда им это удается.

Нам вручают меню, по крайней мере, трех футов в длину.

Блейк заказывает телятину с пармезаном, а меня безжалостно уговаривают заказать лобстера фра Диабло (лучшее, что вам довелось испытать в своей жизни). Бутылка Barollo за четыреста долларов открыта с размахом, пробка оценивается на соответствие запаха, и затем

предлагается Блейку попробовать вина. Он вопросительно смотрит на меня, мой бокал наполняется, мы чокаемся.

— За нас, — говорит Блейк.

— За нас, — вторю я эхом. Вино густое, богатое на вкус и очень крепкое.

— Как прошел твой день? — спрашиваю я.

— Мрачно. Я провел весь день с людьми, которых я предпочел бы никогда больше не видеть, и когда вернулся в отель, поймал тебя, флиртующей с каким-то фермером в ковбойской шляпе.

— Я не флиртовала.

Его брови взлетают вверх.

— Итак, что ты делала, кроме флирта с незнакомыми мужчинами?

— Я не флиртовала! — решительно говорю я.

Он улыбается.

— Мне нравится, когда ты злишься (непримиримая, сопротивляешься).

— Ну, мне не нравится, когда ты такой. Ты прямо-таки пугающий.

— Тогда не зли меня.

Я вздыхаю.

— Я спустилась вниз, потому что не могла читать. Я волновалась за тебя.

Официант приходит с соответствующими столовыми приборами.

— Я не хотел бы, чтобы ты скучала, пока я на работе. Ты ничем не хотела бы занять свое свободное время?

— Я хочу заняться благотворительной помощью детям, — говорю я, довольно робко.

— Правда? Какого рода благотворительностью?

Я с нетерпением наклоняюсь вперед.

— Я еще не решила, но точно знаю, что я хочу сделать что-то колоссальное, — я делаю глоток вина. — Если бы ты был мной, что бы ты сделал? Какую бы самую важную вещь я могла бы сделать для детей в мире?

— Если это дети из самых бедных стран, то я дал бы им самое ценное в мире — воду, — тихо предполагает он.

— Воду?

— Да, чистую пресную воду из водопровода. В настоящее время два миллиона детей умирают каждый год от употребления грязной воды, но эти цифры будут расти и дальше.

— Почему?

— Существует глобальный кризис водных ресурсов и вода приватизирована.

Это меня удивляет, оказывается я знаю слишком мало. Мне придется многому научиться, прежде чем я смогу начать реализовывать свои идеи по благотворительности. Мы по-прежнему оживленно дискусируем о самом механизме и построении целевого фонда, когда прибывает наша еда. Я откидываюсь на спинку кресла и наконец понимаю, что имела в виду Билли, говоря, что порции еды в американских ресторанах с размер сарая.

Телятина Блейк вызывает шок от неприличных огромных своих размеров и подается запеченной на кости, с подрумяненным сыром Моцарелла Буффало, и ярко-красным томатным только что приготовленным соусом. Мое блюдо — в два с половиной фунта омар, без панциря, приготовленный с калабрийским перцем и коньяком, и заключенный обратно в свою оболочку. Она отполирована и блестит, и видно натерта чесноком и маслом. Хлеб похож, как делала раньше мама.

Блейк и я уплетаем очень вкусную еду. Это действительно лучший омар, которого мне доводилось пробовать.

На десерт заказываем крем-мусс из яичных желтков с сахаром и коньяком. Его готовят прямо на столе, используя желтки от гусиных яиц с круглым дном медном котле на огне. Потом я ем домашнее лимончелло, а Блейк пробует граппа из инжира. К тому времени, когда мы покидаем данное представление, я чувствую себя окончательно навеселе.

— Не могу дождаться, чтобы затащить тебя в постель, — бормочу я ему в шею.

Он снисходительно смотрит на меня и посмеивается.

— Я так рад, что тебе так мало надо.

Мы возвращаемся в отель и падаем в объятия друг друга.

— Ты моя мечта, — шепчет он мне на ухо. — Ты делаешь меня тем, кто я на самом деле, — ни один из нас не упоминает его отца, который отправился в потусторонний мир из-за меня, или похороны, которые должны состояться завтра, потому что это все там, а здесь, молча наблюдаем, как длинные тени падают от наших переплетенных тел.

Останови меня, если сможешь, но я никогда не буду притворяться, что рада тому, что этот хищник ушел из этого мира. Ты ушел и мой сын теперь в безопасности.

В ту ночь я просыпаюсь от резкого движения рядом с собой. Я сажусь на кровати и в лунном свете вижу, что Блейку снится кошмар, и он мечется от безвыходного положения.

— Я убил его! — кричит он.

Я трясущим его за плечо, пытаюсь срочно разбудить. Его сонные глаза смотрят на меня, и какую-то микросекунду в них плескается страх и ужас, потом он начинает узнавать меня. С огромным облегчением он прижимает меня к своему телу с такой силой, что мои легкие не в состоянии сделать следующий вдох.

— Привет.

Он ослабляет свою хватку.

— Ох, Лана, Лана, Лана, — выдыхает.

— Тебе снился твой отец?

— Нет.

Холодная рука сжимает клешней мое сердце. Нет. Я закрываю глаза от сильной душевной боли. Я не могу не любить его. Но Боже мой! О Боже! Он убил кого-то еще? Кто этот мужчина, которого я люблю?

— Кто тогда? — испуганно спрашиваю я.

— Я его не знаю. Он весь в крови.

Мое тело расслабляется от облегчения. Это был просто кошмар. Как невероятно страшно мне было, когда я задавалась вопросом: «кого-то». Слезы облегчения стекают по моим щекам. Он чувствует их на своей коже и вытирает их.

Он прикасается к ним с удивлением.

— Почему?

Я не скажу ему правду, потому что на какое-то мгновение мне показалось, что влюблена в монстра.

— Потому что, я люблю тебя, — говорю я. Это тоже правда. Я любила его даже в те едкие, разъедающие душу моменты, когда думала, что он был монстром.

Брайан сообщает мне точное время похорон, когда они будут показываться по телевизору. Я переключаю телевизор на соответствующий канал и усаживаюсь перед большим плоским экраном в ожидании. Новостной ролик примечателен по двум причинам: своей лаконичностью и тем фактом, что снят в церкви. Спокойный женский голос объявляет, что похороны руководителя финансовой сферы проходят во второй половине дня сегодня.

Камера на мгновение останавливается на вдове, и я впервые вижу мать Блейка. За эти несколько секунд мне становится очевидно, что Блейк, ее самый любимый сын. Одета в черное матовое пальто она стоит очень близко к нему и, кажется, чуть-чуть опирается на него. Он смотрится очень высоким, широкоплечим и неприступным. Я почти не узнаю, этого строгого, импозантного мужчину!

Чуть подальше находится Маркус рядом со своей безупречной и совершенно невыразительной женой, по бокам их окружают двое детей. Я смотрю на Квинна и вижу в его чертах сильное семейное сходство. Он находится немного слева от Блейка, который всем своим видом показывает, что тот находится под его защитой. Затем камера быстро показывает гроб, и новость заканчивается, и Баррингтоны плавно без сучка и задоринки скрываются в своей вымышленной неизвестности. Весь новостной ролик еще один тщательно продуманный пиар-ход об общеизвестной семье, которая может охранять свои секреты.

Я выключаю телевизор и мне кажется, словно время замерло, пока я ожидаю его возвращения.

Я стараюсь читать, но не понимаю не единого слова, включаю музыку и стараюсь расслабиться в ванне. Но я тоже нахожусь в состоянии нервного напряжения, поэтому через несколько минут выхожу, одевая голубую блузку и черную юбку. Я слышу шорох у двери и бегу, чтобы приветствовать.

Он снимает свое длинное темное пальто и остается стоять в траурном костюме. Его лицо мрачное. Я хочу подбежать к нему и зарыться лицом в шею, но он кажется неприступным. Я смотрю на него не понимая, что мне следует сделать. Своим яростным видом он ставит меня в тупик, заставляя чувствовать себя слабой и уязвимой, и все же он — мой герой и сила, который поможет пережить этот день.

— Ну как прошло? — спрашиваю я.

— Как и ожидалось, — его губы изгибаются в таком выражение, которое мне не доводилось видеть раньше.

— Все было хорошо, да?

Он кивает.

— Давай напьемся вместе, — говорит он.

Я смотрю ему в глаза, он явно чем-то разъярен.

— Окэй.

Он идет к телефону и заказывает бутылку виски.

Они, должно быть, спросили, какую марку он предпочитает.

— Просто принесите самый лучший, — говорит он нетерпеливо, и кладет телефонную трубку на рычаг. Я иду к нему, чтобы обнять, и он вытягивает свою руку, пытаюсь остановить меня. — Не прикасайся ко мне, — говорит он, и я замираю на месте.

Он проводит рукой по волосам.

— Мне просто нужно принять душ. Встретимся в спальне, — говорит он, и

поворачивается, направляясь в ванную.

Бутылка прибывает с двумя стакана и ведерком со льдом, пока он находится в душе. Я даю человеку чаевые, и несу все в спальню, наливая две щедрые меры в стаканы. Я слышу звук льющейся воды. В любой другой раз я бы присоединилась к нему в душе, но сегодня он совсем другой, не такой, как обычно. Кажется, что он зашел на запретную территорию, я содрогаюсь. Я чувствую, что что-то произошло, и это затронуло его очень глубоко, в раздумьях, я меряю шагами спальню, останавливаюсь и смотрю на себя в зеркало. Выгляжу прекрасно.

Он выходит в полотенце неплотно покоящимся на его мускулистых бедрах и прислоняется к дверному проему. Вау! Божество. Я люблю этого мужчину с мокрыми волосами. Кровь начинает стучать в мои барабанные перепонки. Когда его полуголый вид перестанет на меня так влиять?

— Ты до сих пор одета, — отмечает он, вопросительно приподняв бровь.

Я не отвечаю ни слова, просто не спеша, начинаю раздеваться. Сначала блузка скользит через мою голову, потом юбка падает к моим ногам, бюстгальтер отшвыривается куда-то в сторону, и, наконец, трусики идут по тому же пути, что и все остальное. Балкон открыт и легкий ветерок вызывает мурашки на коже. Я смотрю на него, пока он приближается ко мне. Бог! Он так чертовски притягателен. Я смотрю на мышцы, которые перекачиваются с каждым его движением, когда он теряет полотенце. Он останавливается в дюйме от меня и наматывает мой локон на пальцы. Его близость заставляет меня желать облизать, бьющийся пульс у основания его горла. Это единственная реальная связь, которая у нас есть. Его пульс никогда не врет, когда я вижу эту вену и как она бьется, я знаю, что он хочет от меня очень сильно.

— Хочешь я положу кубики льда в твой напиток? – сипло спрашиваю я.

Он улыбается и качает головой.

— Кубики льда для тебя.

Я улыбаюсь в ответ.

— Правда?

— Правда, — говорит он, растягивая звуки, и притягивает к себе, я чувствую всю длину его горячей, жесткой эрекции, которая упирается мне в живот. Его рот опускается на мои губы, я обвиваю его руками за шею, и мы целуемся. Мы целуемся. И опять мы целуемся. Оба — он и я знаем, что это магическая лестница вверх, по которой он может подняться снова и снова из любого темного места, в котором был.

Он поднимает меня от пола и укладывает на кровать. Я хватаю его за бедра. Он смотрит на меня удивленно. Я поднимаюсь, чтобы взять в рот его красивый член. Он резко выдыхает. Я выпрямляю голову так, чтобы он смог видеть, как мои губы плотно обхватывают его массивный член, подняв глаза я встречаюсь с его. Глубина его пристального взгляда пробивает меня до костей. Я сосу так сильно, втягивая щеки и с какой-то безрассудной силой двигаюсь, и вижу, что он готов уступить наслаждению, которое я ему даю. Я уверенно и настойчиво кружу языком вокруг его головки.

— Раздвинь ноги, — рычит он.

Послушно я раздвигаю ноги и показываю ему то, что он хочет увидеть, но не прекращаю сосать и продолжаю двигаться на его жесткой плоти. Его глаза жадно смотрят на мою открытую киску, лицо искажается, тело выгибается, и мой рот наполняется спермой. Даже когда его глаза стали затуманенными, я не выпускаю его изо рта. Я продолжаю удерживать

полутвердый член во рту, и смотрю на него снизу-вверх. Он выдыхает, нежно дотрагивается до моего лица, и вытаскивает.

Сознательно, я облизываю губы.

Он ухмыляется и отворачивается. Мои глаза следуют за ним, пока он направляется нагой в сторону бутылки с виски. Наклонив ее над ведерком со льдом, он начинает выливать из нее. Я приподнимаюсь на локте.

— Что ты делаешь?

Он смотрит на меня поверх поднятой руки.

— Смешиваю себе выпивку, — говорит он, и продолжает лить виски пока не остается меньше четверти бутылки. Он роняет пол горсти кубиков льда в мой стакан к кровати вместе с бутылкой. Он подходит ко мне, опускается на колени и протягивает бокал. Я делаю маленький глоток, алкоголь крепкий, но мягко проскальзывает вниз. Я наблюдаю, как пьет прямо из горлышка, запрокинув голову, его горло сильное и с мощными мускулами, кожа немного светится, словно полированная бронза. Зрелище достойное богов! Его мужское достоинство эрегированное, его бедра с двигающимися мускулами и мощные широкие плечи.

Всегда в такие моменты он напоминает греческого Бога.

Он опускает бутылку вниз к бедру, вытирает губы тыльной стороной ладони, и встречается с моими глазами. Его глаза полуприкрыты, выжидающие, темные и полны желания. Сейчас в нем есть что-то такое, что не похоже на него. Он пристально смотрит на меня, и я чувствую насколько прожигающий этот взгляд. Бабочки порхают внизу моего живота. Я начинаю нервничать. Почему? Но я также возбуждена. Невероятно возбуждена этим новым им, совершенно мне неизвестным.

— Что теперь?

Он отрывает глаза и смотрит на бутылку, удаляет металлическое кольцо с горлышка и кладет его на тумбочку у кровати.

Он ложится, опершись на локоть рядом со мной. Бутылка прикасается к моей щеке. Холодно. Я поворачиваю голову и смотрю ему в глаза, и то, что я вижу там, вызывает у меня дрожь.

— Известно ли тебе, что намного эротичнее и чувственнее, когда в тебе находятся обычные бытовые приборы, нежели мой член? — Мои взволнованные шокированные глаза метнулись к бутылке потом к нему и то, что я увидела в его глазах вызвало во мне разряд электрического тока.

— Да?

Он медленно улыбается.

— Да.

Я киваю, и он сильно ударяет подушечкой большого пальца по моей нижней губе. Вдруг он нападает на мой рот, грубо, жестко... бутылка исчезает от моей щеки. Я раздвигаю бедра и ахаю ему в рот, когда он вставляет ее в меня. Трахни меня! Холодно, жестко и возбуждающе. Очень, очень чувственно. Я раскрываю рот.

Он поднимает голову и смотрит на меня, подкладывает руку под мои ягодицы и приподнимает меня с постели так, что я слышу и чувствую, как жидкость булькает во мне. Я хочу закрыть рот, но у меня вырывается.

— Ах!

— Да, «Ах!», — говорит он шепотом, резко вздыхая, глаза плавают и прикованы ко мне.

Я, как замороженная, не в состоянии отвести взгляд на неудержимый мужской блеск в его глазах, это свет собственника. Он знает, что ничего не может сделать мне.

Когда бутылка становится пустой, он отшвыривает ее подальше.

— Как ощущения?

— Возбуждающие, — говорю я хриплым шепотом.

Он злобно смеется.

— Все недозволенное (запрещенное) является незаконными(прегрешением).

Обнаженный, он тянется к кубикам льда. Он проводит ими по моей горячим складочкам и вставляет их по одному в мой проход, я беспомощно извиваюсь от холода. Вдруг в какой-то момент мне становится стыдно и закрываю глаза.

— Открой глаза, — приказывает он.

Я моментально открываю, и он приковывает свой взгляд ко мне.

— Это моя пизда, — констатирует он, и его черты лица становятся жесткими, наполненные похотью.

Я сглатываю комок в горле и киваю, мои руки сжимаются в кулаки и хватаются за одеяло.

— Я люблю смотреть на тебя, когда ты такая: беспомощная, открытая, с эпиляцией... моя.

В его глазах читается одно, полное обладание, пока он продолжает вставлять в меня кубики льда.

— Я хочу тебя любыми способами.

Затем он становится на колени между моих ног и начинает пить из моей киски.

— Процесс этот медленный чувственный штурм.

Лижет, лижет, сосет, лижет, лижет, сосет, сосет, пока холодная жидкость сочится из меня, я выгибаю спину.

— Да, вон там... да.

Ощущения настолько непривычные, холод от ледяных кубиков, его жгучий язык, иногда зубы, булькающий алкоголь внутри. Он неумолим. Это декадентство. Казалось, что у меня нет костей, а только существующая потребность. Я настолько погружена в ураган ощущений, что даже не слышу пронзительные животные звуки, вылетающие из моего рта.

— Мы собираемся подняться на один уровень выше, — он ложится рядом со мной. — Сожми свои мышцы и сядь мне на рот.

Очень осторожно я сильно сжимаю свои мышцы и нависаю над его ртом. От необходимости сжимаю свои мышцы, пока он медленно пьет маленький ручеек, который меня ужасно нервирует, и я чувствую себя грязной, но при этом изысканной. Как будто нет преград между нами. Он хочет взять все, что у меня есть, даже мои соки. Внезапно он устремляется вверх, поймав мою киску и жестко начинает сосать, притягивая меня вниз к своему рту. Он поглощает мой вход своим ртом.

Я так напряжена, чтобы сразу не вытекла вся жидкость, но у меня уже не хватает сил держать мое тело под контролем, оно начнет самопроизвольно сокращаться и вырывается из-под контроля. Я кончаю мощно и стремительно и из меня начинает литься поток, смотрю вниз, он жадно пожирает всю жидкость. Я отстраняю свою киску подальше от его рта и вижу его лицо: все мои соки перемешались с виски. Он притягивает меня обратно вниз, к себе на рот и дочиста вылизывает.

— Моя Лана, — говорит он, в его глазах светится чувство собственности и обладания.

8.

Я возвращаюсь в Англию вдохновленная Карбоне и решаю приготовить праздничный ужин, который несомненно вызовет удовольствие Блейка. Он дал строгие указания, что придет домой пораньше. Два часа я томила на плите кролика, панчетта, лук, чеснок, шалфей в кастрюле, полив предварительно Санджовезе. Как только смесь была готова, я добавила розмарин, тимьян, несколько палочек корицы и гвоздики.

Сейчас, когда кролик стал разваливаться в соусе с приправами, который превратился в липкую массу, как жидкий мед, и я могу красиво украсить тарелки ригатони ручной работы, которые Франческа привезла сегодня. Я планирую сервировать это богатое на вкус и островатое блюдо, целым артишоком, пропитанным теплым оливковым маслом и лимонным соком, предварительно посыпав измельченной мятой.

В духовке у меня готовится персиковый пирог, который будет подаваться с итальянским джелато.

Я кидаю взгляд на Сораба, который потирает глаза. Весь день мы были в парке, и ему явно не мешало бы прикорнуть, но я не собираюсь укладывать его спать, тогда всю ночь он проспит не просыпаясь. Я слышу, как Блейк открывает дверь.

— Папа пришел, — восторженно говорю я, хватая Сораба с пола, и выбегаю к входной двери.

— Эй, — провозглашает он, и большая улыбка растягивает на его лице.

Сораб начинает вырываться и тянет ручки к нему, Блейк забирает его и подняв высоко в воздух дует на животе с каким-то странным звуком, что вызывает у Сораба смех, от которого он начинает извиваться видно ему щекотно и сучить ногами.

Он поворачивает голову, смотря на меня и нюхает воздух.

— Что это?

— Что, — с усмешкой переспрашиваю я, — твой ужин.

— Пахнет потрясающе.

Прижав Сораба к своему телу, он наклоняется и целует меня, окуная мое тело в томный, чувственный жар. На кухне великолепная еда, мой мужчина с моим ребенком на руках дома, о чем большем я могу мечтать в этом мире.

Блейк дотрагивается до моей руки и вдруг резко прищуривается.

— Что это такое? — спрашивает он мягко, дотрагиваясь до пластыря на пальце.

— Ничего страшного. Я порезала палец, пока нарезала овощи.

Он хмурится и зажимает в своей руке мою руку.

— Я не хочу, чтобы ты больше готовила. Я скажу Лауре, чтобы она выбрала тебе шеф-повара завтра.

— Нет, — сразу же отвечаю я. — Мне не нужен шеф-повар, я не хочу. Я люблю готовить, и я получила удовольствие, когда готовила для нас сегодня. И няню я тоже не хочу. Я хочу, чтобы нас было трое.

Он пристально смотрит на меня, его челюсти крепко сжаты, так что начинают двигаться желваки на скулах.

— Прими это хотя бы на некоторое время, Блейк. Прошу тебя.

— Окэй, на некоторое время. В любом случае, мы переезжаем в апартаменты в Гайд-парке на следующей неделе.

— Что?

— Там гораздо лучше. У тебя появится возможность обращаться к шеф-повару «Mandarin Oriental».

— Разве мы не можем задержаться здесь немного дольше? Все случилось так быстро, и я до сих пор так сильно смущаюсь. Эти апартаменты, как будто мой дом теперь. Я чувствую себя комфортно здесь, и Билли не так далеко.

Он кладет руку на мою талию.

— Если это сделает тебя счастливой, то мы можем остаться здесь подольше. Но, в конечном счете, мы должны переехать

— Спасибо, отвечаю я, улыбаясь на него снизу-вверх. — У меня есть для тебя сюрприз.

— Да?

Я даю ему коробку.

— Передай мне ребенка.

Он вручает мне Сораба, открывает крышку и насмешливо смотрит на меня. — Тапочки?

— Да, удобные для дома.

— Как у бабушки?

Я счастливо заливаюсь смехом.

— Ты не выглядишь, как бабушка, если ты это имеешь в виду. Теперь примерь их, — Сораб хватая коробку и кусает ее за угол, пока Блейк снимает обувь и надевает тапочки.

— Ну?

— Я счастлив.

— Отлично.

Он смотрит в мои глаза, его становятся темными и увлажненными.

— Ты знаешь, я никогда не носил тапочек?

— Никогда?

— Никогда. Ты полностью меняешь мою жизнь, Лана.

— Я еще не закончила, — говорю я и передаю ему следующий пакет.

Он открывает его.

— Свитер?

— Хмммммм...

Я стоя, наблюдаю, как он снимает свою офисную одежду, и надевает темно-синий спортивный костюм.

— Что скажешь?

— Съедобно, даже очень, — говорю я, и действительно имею в виду именно это. Брюки, низко сидящие на сильных сексуальных бедрах, виднеется немного кожи, и я дотрагиваюсь до нее.

В ту же минуту он со всей глубиной смотрит мне в глаза и выражение его лица изменяется.

— У меня другие планы на тебя сегодня вечером, — говорю я ему и убираю свою руку. — Вот, — и передаю ему ребенка.

Он берет Сораба и направляется в гостиную, я возвращаюсь на кухню. Еда будет готова через двадцать минут. К тому времени, как я ставлю в духовку хлеб, слегка смазанный томатным соусом, Сораб спит, как убитый, на груди отца. Блейк укладывает его в кровать, а я выключаю свет в гостиной, и делаю несколько шагов назад, восхищаясь отблеском свечи, стоящей на белой скатерти, полностью заставленной всевозможными блюдами.

Терпкий гардиньера в оливковом масле, с копченым мясом из деликатесного гастронома, салат, обжаренные ленточки в тесте, посыпанные сахарной пудрой и замысловатый деликатес из фруктов, выложенными слоями, пропитанными алкоголями. И конечно, особенную бутылку красного вина, которую открыла заранее.

Первый кусок исчезает у него во рту, появляется выражение восторга и удивления, и меня это очень радует.

— Это похоже на то, как изображал трапезу Караваджо в своих картинах — римляне, поедающие зажаренную в печи дичь, — говорит он.

— Правда? — в эту минуту я даю себе обещание, изучить искусство и музыку, чтобы стать такой же культурно образованной, подстать ему, чтобы у него никогда не было причины стыдиться меня перед своими друзьями.

Остаток ужина напоминает сказочный вечер, который всегда будет эхом отражаться в моем сердце. Все идеально. Я смотрю, как ест Блейк, и со стороны похожа, наверное, на мать, наблюдающую, как ест ее ребенок, покровительственно и с гордостью.

Он ест не останавливаясь, оставив свой контроль и чрезмерную безопасность, не разрезая мясо на десяток маленьких кусочков, и не ковыряется их тщательно рассматривая, как будто они представляют из себя какую-то опасность для него. Он ест с неподдельным удовольствием, облизывая соус с пальцев, восхищаясь каждым новым ароматом.

В заключение, среди остатков нашего пира, Блейк макает лимонное печенье в десертное вино и подносит его, со стекающими золотыми каплями, к моим губам. Я быстро наклоняюсь к его руке и откусываю. Сладкий вкус взрывает мои вкусовые рецепторы, каплями стекая по стенкам моего рта. Прежде чем я собираюсь обмакнуть салфеткой губы, он наклоняется и облизывает уголок моего рта. Он, словно волк или какое-то другое животное, которое использует свой язык, чтобы вылизать тело своей самки.

Он продолжает усердно лизать, пока не остается следов от сладкого вина на моем подбородке и продолжает слизывать две крошечные капли, случайно упавшие на мою шею. Я смотрю на него широко открытыми глазами, он такой близкий и такой незнакомый, и он — вся моя жизнь. Я не собиралась влюбляться в этого мужчину, но сейчас даже не представляю свою жизнь без него.

Он поднимает на меня глаза.

— Я никогда не мог понять поглощение еды на голой женщине, сейчас могу, — он скользит рукой по внутренней части моего бедра. — Грация человеческой фигуры, изящество форм и является самой идеальной тарелкой. Я бы с удовольствием накрыл твое тело превосходной едой, несмотря на нравы, и медленно слизывал бы ее. — Его пальцы тянутся к моему лобку, я с готовностью раздвигаю ноги. — *Суфле из фруктов де-ла-страсти* на сосках, *соус сабайон* на животе, *карамель* на лобке и *бананы ан папilot* между твоих ног, — его длинный палец входит в меня.

Мои щеки заливаются румянцем, как будто он не проделывал со мной гораздо более возмутительные вещи. Возможно от того, что, представив себя, лежащей на столе и представляющей из себя изысканное блюдо с едой, которая будет поглощаться с моего тела, невероятно возбуждающая. И мысль о том, как Блейк медленно слизывает ее с меня, на самом деле, делает меня полностью мокрой.

Палец выходит из меня, я вздыхаю.

Он кладет его в рот, я тихо выдыхаю.

Я наливаю два бокала самбуки, добавляю три кофейных зернышка и поджигаю. Над

синим пламенем я ловлю взгляд Блейка, и в ответе его глаза становятся настолько темными, почти черными. Страсть его взгляда заставляет меня задержать дыхание. Я забываю о стоящих горящих бокалах, он наклоняется вперед, не нарушая зрительного контакта и задувает пламя.

Окунает палец в самбуку и смазывает мои губы, молча поднимает меня со стула и несет в спальню, словно похищая.

— Самбука...

— Достаточно.

— Тарелки, — шепчу я в его шею.

— Завтра.

— Свечи...

— Позже.

Я просыпаюсь то ли от крика, то ли от стона, поворачиваю голову, его нет рядом. Я скатываюсь с постели и иди в комнату Сораба. Блейк качает его на руках и тихо в пол голоса напевает, чтобы он заснул. Наши глаза встречаются, его — стали мягче, нежнее, я никогда их не видела такими.

Мне бы хотелось запомнить этот момент навсегда.

Он подносит указательный палец к губам, чтобы я ничего не говорила. И я просто запоминаю этот волшебный момент. Насколько прекрасная у мужчины душа, которая раскрылась благодаря его сыну. Мы все связаны друг с другом — он, Сораб и я.

9.

— Сегодня вечером тебе предстоит познакомиться с моим братом. Мы вместе ужинаем.

Я удивленно смотрю на Блейка.

— Куинным?

— Нет, Маркусом, — он внимательно смотрит на меня.

Я кусаю губу, вспоминая холодные, голубые глаза его брата, которые навсегда запечатлелись в моей памяти.

— Я знакома с ним. В больнице, когда ты лежал в коме.

— Он говорил мне. Но это было недолго, правда?

— Да, невероятно быстро.

— Все было не слишком хорошо, да?

— Неа. Он не хотел, чтобы я была в курсе дел.

Его губы сжимаются в одну резкую линию.

— Но теперь ты в курсе, и ему лучше привыкнуть к этому.

— Может быть, тебе стоит пойти одному в этот раз. Я уверена, что мне удастся встретиться с ним при другом случае.

Он поднимает мой подбородок.

— Ты пойдешь сегодня вечером.

Я рано отсылаю Сораба к Билли, принимаю ванну и начинаю собираться, у меня еще достаточно времени, прежде чем вернется Блейк. Я примеряю с десятков нарядов, но ни на чем не останавливаюсь, потому что все они выглядят не совсем так, как мне бы хотелось. Смотрю на часы, Блейк уже скоро будет дома. Черный. Черный всегда выглядит отлично. Я ищу что-то черное и нахожу простое черное платье с вырезом сердечком на шее, застегиваю

молнию на себе.

Я окидываю себя в зеркало грустным взглядом, так как выгляжу слишком уж какой-то бледной. Решение приходит само — красная помада. Я пробую разные, потом останавливаюсь на одной, которая действительно подходит. И даже после этого я не выгляжу и не чувствую себя на «отлично». Мой живот сжимается так, словно я проглотила мяч. Такое ощущение, будто я собираюсь войти в зал, где проводится экзамен, совершенно не подготовленной. Я буду держаться за Блейк, прилипну к нему словно клей, и тогда буду чувствовать себя в безопасности. Занятая своими мыслями, я поднимаю глаза в зеркало и вижу Блэйка, прислонившегося к двери спальни.

— Ах! — испуганно вскрикиваю я. — Я не слышала, как ты пришел.

Он усмехается.

— Я хотел сделать тебе сюрприз.

Я резко прижимаю руки к груди.

— Тебе удалось. Я чуть не выпрыгнула из этого платья.

Он несет пакет, который бросает на кровать, когда идет ко мне, берет меня под локти и говорит:

— Ты выглядишь очень, очень...очень...очень прекрасной, но сегодня ты оденешь не это.

— Нет?

Он медленно качает головой и разворачивает меня к нему спиной. В один короткий момент, я чувствую его пальцы, скользящие по моей обнаженной коже, потом слышится звук открывающейся молнии. Он разворачивает меня к себе лицом, и осторожно тянет рукава вниз, они болтаются внизу на моей талии. Он подмигивает мне.

— Мне нравится белье.

— Спасибо, — отвечаю я немного официально.

Он возвращается к кровати и вытряхивает содержимое пакета. Появляется обувная коробка и еще что-то — мягкое и покрытое тканевым чехлом. Он вытрясает его, и у меня отпадает челюсть. Платье — потрясающе красивое. Верх сделан полностью из синих дизайнерских кружев с треугольным вырезом, низ из гладкой синей блестящей тафты, полностью обтягивающая юбка. Он держит этот наряд передо мной.

— Флер?

— Конечно. Что ты об этом думаешь?

— Потрясающе.

Он помогает мне надеть его и дотрагивается до моей кожи через кружево, затем отходит на несколько шагов и открывает обувную коробку. Приносит ее ко мне, встает на колени, надевает туфли на каждую ногу и застегивает тонкие ремни вокруг лодыжек. Я повожу плечами. Я стою перед ним полностью одетой и в новых туфлях, он поднимается с колен и смотрит на меня, улыбаясь с полным удовлетворением.

Он подводит меня к зеркалу, и разворачивает к нему лицом, я вижу свое собственное отражение. Затем он быстро застегивает на моей шее ожерелье из синих камней, светящиеся глубоким светом.

— Вау!

— Сапфиры, — говорит он. — Под цвет твоих глаз.

Я восторженно дотрагиваюсь до них пальцами.

Он достает платок и нежно, как будто я сделана из самого хрупкого стекла, стирает красную помаду. Мои раздвигаются, помогая ему в этом. Он кидает платок на туалетный

столлик и берет блеск для губ. Телесный, и аккуратно наносит его на поверхность моих губ.

Когда он назад разворачивает меня лицом к зеркалу, теперь я понимаю, что он совершил, поэтому с благодарностью встречаюсь с его глазами.

— Спасибо, что продала себя мне, — говорит он с мягкой улыбкой.

— Благодарю, что ты купил меня.

— Я думаю, мы должны жить долго и счастливо, не так ли?

— Несомненно.

Я смотрю на полыхающее пламя в его глазах, сияющие доверием, и мое сердце разрывается от счастья. И на несколько секунд, я даже забываю о предстоящем суровом испытании, которое ждет меня впереди, ужине с Маркусом.

— Куда мы пойдем? — нервно спрашиваю я.

— В твой любимый ресторан. В «Waterside Inn».

Я улыбаюсь, вспоминая красные ковровые дорожки, умиротворяющий вид на реку, дружелюбную цивилизованную обстановку, ненавязчиво внимательных официантов, и молочного ягненка обжаренного и мастерски разделанного на ломтики, поданного на стол.

— Спасибо.

Мы прибываем раньше, чем Маркус, и того времени, о котором с ним договорился Блейк, поэтому у меня есть время немного освоиться. Блейк паркует машину и направляется к моей двери, чтобы помочь мне выйти. Мы задерживаемся на какое-то время, просто оглядываясь вокруг. Осенний ветер кружа подхватывает несколько коричневых листьев и бросает их снова, но немного дальше, вниз по дороге.

— Пойдем, — говорит он. — Я обещаю, что не позволю ему тебя съесть.

— На самом деле я не боюсь его.

— Вот, это моя девочка.

Обслуживающий персонал вспоминает и приветствуют нас с искренним радушием, которое сразу же заставляет меня почувствовать себя более увереннее. Нас провожают к круглому угловому столику в элегантной зале ожидания. Я откидываюсь на спинку кресла и невидящим взглядом смотрю в меню, достойное премии самых лучших шеф-поваров.

Вскоре приносят бокалы с шампанским «Michel Roux», мы чокаемся.

— За сегодняшний вечер, — говорит Блейк, и мы неторопливо делаем по глотку, шампанское отлично охлажденно.

— Ты уже выбрала, чтобы хотела съесть?

Я качаю головой и еще раз бросаю взгляд на меню, но не могу сосредоточиться на блюдах. Я буду есть то, что и прежде, тогда было очень вкусно, салат с раковыми шейками и волокна краба девон с дыней и свежим миндалем.

Бабочки порхают внизу моего живота. Появляются канапе, но я не проявляю особого интереса к ним.

— Копченый угорь темпура — вкусно, — говорит Блейк ободряюще.

Я кладу канапе в рот. Жую и проглатываю, на вкус вроде бы ничего.

Мне не стоит так нервничать. Он ведь ничего не может сделать со мной, ну и что, что он осуждает, что из этого?

И в этот момент появляется Маркус.

Блейк встает. Я не уверена, должна ли я встать тоже, поэтому продолжаю сидеть на месте. Маркус пожимает руку брата, и дотрагивается до его плеча, так делают политики, играя в свои игры с позиции силы. Потом он оборачивается и кивает мне.

— Маркус, я не думаю, что ты был официально представлен Лане. Лана, это мой брат, Маркус.

— Привет, — говорю я, мой голос холодный и отстраненный.

Маркус слегка наклоняет голову, как будто это большая честь для него, и его красивое лицо озаряется доброжелательной открытой улыбкой. Он протягивает мне руку.

— Должен признать, что завидую моему брату. Каким же образом он удерживает девушку, такую прекрасную, как вы?

Дружеский жест и слова неожиданно приводят меня в смятение.

— Эм... — я закрываю рот и пожимаю протянутую руку.

Его рукопожатие, как является легким намеком на содружество. Он усаживается напротив нас и начинает болтать. Он совершенно полностью обаятельный. Я ловлю себя на том, что смотрю на него широко раскрытыми глазами, испытывая какое-то недоумение. Может ли этот мужчина быть тем, кого я встретила в больнице? Может я тогда была в таком шоковом состоянии, что неправильно поняла его? Я смотрю на него, когда он закидывает назад голову и смеется, пока Блейк что-то рассказывает ему.

Семейное сходство между ними очень сильное. Они оба высокие и широкоплечие, но его брат не обладает таким сильным чувством власти, которое окружает Блейка и кажется, что воздух вокруг него потрескивает от электричества. Теперь-то я понимаю, почему отец Блейка принял решение, кто в их семье должен стать следующим лидером и возглавить бизнес.

Появляется официантка, сообщая, что наш столик готов.

Маркус поднимается и вежливо протягивает мне руку, помогая встать. Поскольку он находится ближе всего к двери, у меня нет выбора, кроме как принять его предложение. Наши глаза встречаются, его не выражают ничего, кроме как вежливого желания помочь. И еще, я чувствую напряжение во всем своем теле, и прежде чем я расцепляю наши руки, чувствую притягивающую руку Блейка, обхватившую меня за талию.

Я встречаюсь с глазами Блэйка и понимаю, что он говорил вполне серьезно, что не может переносить никакой другой мужчины, который бы прикасался ко мне. Даже, если это его брат, и не имеет значение, что это дань вежливости. Нам показывают наш столик. Я опускаюсь на высокий стул, Блейк садится рядом, после меня.

Справа появляется хлеб. Я беру булочку, отщипляю кусочек и медленно опускаю на край моей тарелки. Наши бокалы наполнены вином золотистого цвета. Прибывают официанты с нашими закусками. Я поднимаю вилку с кремом из пармезана с трюфелем и подношу ко рту. Я участвую в разговоре, который идет вокруг меня, периодически киваю, улыбаюсь, говорю «спасибо» и ловлю себя на мысли, что пью больше, чем обычно. «Остановись, сейчас же», — говорю я себе.

— Вы были в опере? — ровным голосом спрашивает меня Маркус.

И я вдруг вспоминаю ту ночь, и мои щеки тут же начинают краснеть от смущения и замешательства, когда бросаю взгляд на Блейка.

— Да, мы смотрели «Коронацию Помпеи» в Венеции, — спокойно отвечает Блэйк.

Маркус кивает одобрительно.

— Пожалуй, единственное место, где можно насладиться Монтеверди, — он

поворачивается ко мне. — Это был первый раз, когда вы были в опере?

— Да, — бормочу я.

— Вам понравилось?

Воспоминания заставляют покраснеть еще больше. Я поворачиваю голову в сторону Блейка, и мои глаза тут же встречаются в его, которые наполнены голодом.

Маркус деликатно кашляет, я отрываю свой взгляд.

— Да, очень, — хрипло говорю я.

— Фрейя, моя жена, тоже любим оперу. Мы ходили на Россини на «La Cenerentola» на прошлой неделе.

Блейк смотрит на меня.

— Золушка, — объясняет он.

Я киваю с благодарностью.

— Я боюсь, что это был больше гротеск, уж больно анти-музыкальный бурлеск, только иногда спасаемый виртуозными вокалами среди общего действа.

Маркус делает несколько глотков своего Латура.

Я кусаю губу. Внезапно чувствуя себя невежественной, некультурной и явно лицом, которое не соответствует их положению. Я отдаю себе отчет, что Блейк более внимательный и заботливый ко мне, поэтому он никогда не позволит мне почувствовать себя менее образованной, чем он. Но правда состоит в том, что его мир полностью отличается от моего. Я вспоминаю, как Виктория сказала мне, что совершенно не важно, как хорошо бы я не была одета, я все равно никогда не дотянусь до них. В их глазах я всегда буду не достаточно хороша. Я никогда не буду носить эту маску видимой сдержанности и беспечности, которую Маркус с такой легкостью носит? Буду ли я когда-нибудь обладать такую показную беспечность, которая скрывает все реальное о человеке? Маркус все еще продолжает о чем-то говорить. Украдкой я бросаю взгляд на Блейка, который сосредоточено намазывает булочку и кивает. Неужели в один прекрасный день, Блейк будет стыдиться меня?

— А вы, Лана?

Черт, я совсем не слушала.

— Эм... пожалуйста, простите меня. Мне нужно в одно место.

В тот момент, когда я произношу это слово то действительно чувствую легкое головокружение, потому что тут же возвращается память, о том животном, Руперте Лотиане, который и научил меня ему. Его растягивающиеся слова слышатся у меня в голове «большинство туалет называют одним местом». Я встаю и тут же поднимаются мужчины. Мгновение я смотрю на них в замешательстве, и тут понимаю, что, конечно, у них так принято, своеобразный жест вежливости в присутствии леди. Я киваю и направляюсь к дамской комнате.

Здесь никого нет, и я прислоняюсь к стене и закрываю глаза. Почему я так болезненно реагирую на Маркуса? Почему я позволила себе устроить внутри себя такой беспорядок и так нервничать? Скорее всего потому, что мы встретились тогда, в тот момент, когда я испытывала чуткий страх и помрачение сознания, что позволила в своей голове превратиться Маркусу в такого монстра? Я похожу к раковине, пою руки и смотрю на свое отражение.

— Тебе не стоит бояться его, — говорю я себе, беру мобильный и звоню Билли.

— Как дела? — спрашивает она.

— Э... не уверена.

— Это означает да или нет с рептилиями.

— Нет.

— Хмммм... Твой сын создает проблемы.

— Какие?

— Он не хочет спать. Он считает, что ему разрешено перелезть через окно на балкон, и, наверное, даже через него.

— Это не совсем хорошая идея для него.

— Я передам ему, но он на удивление слишком быстр, для такой мелочи, как он.

— Свяжи его или еще что-нибудь. Я буду у тебя в ближайшее время.

— Лана. Рептилии существа, обладающие инстинктами и повторяющимися действиями.

Млекопитающиеся даже не задумываются об этом изо дня в день.

— Прямо сейчас я этого не ощущаю.

— В таком случае поставь ему синяк под глазом, это сработает всегда.

— Спасибо за совет. Я буду обязательно иметь его в виду.

— Всегда пожалуйста.

— Скоро увидимся.

— Воспользуйся своей выдержкой.

Я завершаю вызов, наношу блеск для губ, и возвращаюсь назад к столу. Снова оба встают, пока я сажусь. Появилась новая салфетка рядом с моей тарелкой, я раскрываю ее и помещаю на колени.

— Я только что говорил Блейку, что вы оба должны прийти к Виктории на день рождения.

Мои глаза расширяются и чувствую, как кровь отливает от моего лица.

Блейк сплетает свои пальцы с моими, я поворачиваю голову в его сторону.

— Виктория — вторая дочь Маркуса.

Я перевожу взгляд на Маркуса, который наблюдает за мной вполне невинно, но вдруг я понимаю. Он понял, что я подумала первоначально о бывшей Блейка. Он хочет загнать меня в тупик и вывести из себя. Но открыв его намерения, которые оказывают на меня совершенно противоположный эффект. Я начинаю чувствовать себя намного сильнее. Меня сделало такой слабой именно то, что я не знала с кем имела дело, но теперь то я знаю, и это намного лучше.

— Когда?

Голос Блейка звучит очень сухо.

— Больше, чем через три месяца.

Он тоже знает.

Прибывает основное блюдо. Я благодарю официанта и опускаю тревожный взгляд на Challandais утку айвой, сваренной, как яйца-пашот и каштанами в виде поленты. Мне кажется, слишком всего много на моей тарелке. Каким образом я собираюсь съесть все это, чувствуя, как болезненно сжимается мой живот?

— Bon appétit, — говорит Маркус, макая свой эскалоп в фуа-гра.

— Bon appétit, — обращается ко мне Блейк.

— Bon appétit, — бормочу я, неся вилку с уткой специями и медом в свой рот.

Когда ужин почти закончен и сто очищен от тарелок, Блейк извиняется и поднимается.

— Ты куда? — в панике спрашиваю я.

Он подмигивает.

— Я вернусь за тобой, детка.

Я смотрю, как он исчезает из виду, прежде чем перевожу свой взгляд обратно на Маркуса, который внимательно наблюдает за мной. У меня на губах появляется слабая улыбка.

— Итак, — говорит он, откинувшись на спинку стула. — Ты поймала очень большую рыбу в свои сети. Что ты собираешься делать с ней теперь?

11.

— Я не знаю, что вы имеете в виду, и меня возмущает ваш тон и намеки, что я тем или иным способом поймала твоего брата.

— И как ты это называешь?

— Я люблю вашего брата!

— Тебе не надо притворяться со мной. Мне плевать кого мой брат трахает. Это полностью его дело, если он хочет класть в свою постель, каждую маленькую шлюху, которая случайно встретила на его пути, ради Бога.

— Если вас это совершенно не беспокоит, тогда почему спрашиваете?

— Просто любопытно, — говорит он и напыщенно улыбается. И именно в этот момент он напоминает мне своего отца, но он менее опасен, гораздо менее опасен. Я боялась отца Блэйка, но я не боюсь его.

Мамин голос цитирует Руми в моей голове. *«Ты ищешь в ветвях то, что только может быть в корнях»*. Спасибо, мама. В эту минуту, я перестаю чувствовать себя неполноценной. По какой причине я вообще решила себя принижать? Он ничем не больше, чем я. Я не совершила ничего плохого. Это он вызывает презрение. По иронии судьбы у него в тысячи раз больше привилегий, чем 99.99 процентов населения, но это не делает его особенным и не дает ему право рассматривать всех, как «все остальные», словно они все не достойны его.

— Пожалуйста, извини меня, но я отказываюсь потакать твоему любопытству, — мой голос звучит совершенно спокойно.

Он смеется, его глаза поблескивают, и лицо искажается злобой.

— Прими несколько бесплатных советов, любимая, Блейк утомится тобой. Прямо сейчас начни откладывать на свой уход.

Появляется официант, забирает использованную салфетку Блэйка и кладет совершенно новую с логотипом ресторана, аккуратно выровняв ее рядом с тарелкой, которую он тоже принес. Он мимоходом улыбается и идет дальше, совершенно равнодушный боем, который я веду с Маркусом.

— А какая тебе разница с Блэйком я или нет?

— Я сказал тебе, мне все равно.

Он лжет. В этом я уверена. И я собираюсь разоблачить его?

— Ах, но тебя заботит это.

Он поднимает брови, показывая выражение недоверия, но меня теперь уже не так легко одурачить. На моей стороне есть взаимная любовь.

— Ты ревнуешь, — говорю я. — Ты завидуешь Блейку и это поедает тебя, потому что он нашел то, чего у тебя нет. Ты никого не любил никого, чтобы отдать все за это, не так ли?

Я вижу вспышку сильного гнева в его глазах. Куда же подевалась выработанная годами

беззаботность сейчас? Он пытается рассмеяться, но смех какой-то неестественный, уродливый. Итак, его хвалебная маска дает трещину и соскальзывает, и он предстает таким, каким и является на самом деле. Под водой легко скользят лебедь, как бы играюче, но на самом деле беспрерывно перебирая ластами, как сумасшедшие. Он ничего из себя не представляет всего лишь пешка. Отец готовил его устраивать представление, а не участвовать в нем непосредственно. Теперь он потерял свою маску, которую столько лет носил. Он не ругался, но выглядел как-то жалко.

— Завидую? – с иронией спрашивает он.

Я ничего не отвечаю.

Его голос становится ядовитым, жалящим.

— Блейку?

Я продолжаю молчать, удерживая зрительный контакт.

— Потому что у него есть ты? Шлюха, стоящая двадцать пять центов, которую он купил как приобретение, — его голос становится презрительным.

— Любовь даже в объятиях шлюхи за двадцать пять центов может быть драгоценной.

— Нет, благодарю.

Уголком глаза я вижу, что Блейк направляется к нам. Я с нетерпением поворачиваюсь к нему, он внимательно всматривается в мое лицо.

— Все хорошо? – спрашивает он.

— Да, — отвечаю я, но выражение моего лица каменное. В этот момент Алан Роукс, который совершает свой обычный обход клиентов останавливается у нашего стола. Я натянуто улыбаюсь, заверяя его, что все было замечательно. Он благосклонно кивает и продолжает свой путь дальше. Я уже готова уехать домой, но впереди нас ожидает тележка с сыром, которую мне предстоит вытерпеть.

Маркус безукоризненно произносит «Auvergne cheese», не объясняя, что это означает.

Блейк без комментариев пожимает плечами.

— Как суфле? – интересуется Маркус, маска обходительности плотно сидит на месте.

Я смотрю ему в глаза.

— Безупречно.

Улыбка не отображается в его глазах. Я перевожу взгляд на Блейка, который улыбается над своим сыром. Я подношу ложку малинового суфле ко рту, точно зная, что выиграла этот раунд.

Блейк заказывает коробку с шоколадными конфетами ручной работы.

Я смотрю на него вопросительно.

— Для Билли, — говорит он и подмигивает мне, и я ощущаю прилив радости. Он не такой, как его брат. Это ужасное испытание с Маркусом почти закончено, и мы опять останемся вдвоем.

Мы прощаемся с Маркусом у Bugatti Black Bess. Он пожимает руку брату и дотрагивается ему до плеча, пытаюсь завоевать доверие Блейка. Я стою в стороне, и он не пытается поцеловать или прикоснуться ко мне, просто сдержанно киваю ему, теперь попробуй победи меня. Наши руки сплетаются вместе, пока мы смотрим, как его машина исчезает в темноте.

— Я горжусь тобой сегодня.

— Ты специально ушел из-за стола, не так ли?

— Да.

— Почему?

— Потому что ты должны привыкнуть к этому. Неодобрение Маркуса едва различимое и неострое. Если ты не сможешь сохранить себя, противостоя ему, то моя мать уничтожит тебя.

— Ты пугаешь меня.

Он переводит глаза от темноты и фокусируется на мне. Они наполнены таким количеством эмоций, которые я не могу определить. Возможно из-за того, что я люблю его каждой клеточкой своего тела, но все равно не знаю его достаточно хорошо. А может потому, что я влюбилась в мужчину, которого до конца так и не могу понять.

Единственное, что я знаю, что люблю его несмотря ни на что.

— Я подготавливаю тебя. Я хотел бы всегда быть рядом с тобой, чтобы защищать, но я не могу. Ты должна научиться постоять за себя сама. Ты точно должна понимать, что они ничто, ты лучше их, всех вместе взятых.

Ярываю наш зрительный контакт и смотрю вниз, на свои руки. Я девушка из неблагополучной окраины, муниципального жилья, и я выиграла сегодня, но, правда, с большим трудом.

— Будь уверенной в себе, моя любовь. Никогда не напрашивайся на их одобрение и не стремись к нему. Они будут уважать тебя еще больше, если ты не будешь этого делать. Ты никогда не будешь одной из них, и это нормально. Я бы не хотел, чтобы ты была ими.

— Но все будут ненавидеть меня, тогда?

— Они никогда не осмелятся сказать что-либо подобное, когда я рядом, но тебе придется научиться управляться с нечастыми злобными замечаниями в мое отсутствие.

— Правильно.

— Маркус выглядел, как побитая собака, когда я вернулся к столу.

— Он был похож?

Он широко хищнически усмехнулся.

— Абсолютно.

Я улыбаюсь, но я вспоминаю женщину в черном, которая стояла рядом с Блейка на похоронах. Я тогда уже поняла, что он ее любимый сын, поэтому она будет меня ненавидеть со страстью.

— Когда я увижусь с твоей мамой?

Он смеется.

— Мы попробуем избежать этой пытки, как можно дольше.

— Она возненавидит меня, правда?

— Да. Но так как друг с другом вы вряд ли будете когда-либо встречать, поэтому думаю вам не следует беспокоить обеим.

Я громко вздыхаю.

— Они все хотят, чтобы ты вернулся к Виктории.

— Это никогда не случится, и им нужно время, чтобы свыкнуться с этим.

Я сую коробку шоколадных конфет прямо в руку Билли, которая тут же открывает их. Блэйк направляется в комнату Сороба, а я остаюсь с ней поговорить, пока она ест конфеты и проницательно смотрит мне в глаза.

— Ничего не хочешь мне рассказать? – шепотом спрашивает она, как только Блэйк становится за пределами слышимости.

— Расскажу завтра.

Она кивает.

— Ммммм... очень вкусно.

Я удаляю крошку шоколада с уголка ее губы.

— Боже, Билли, как я люблю тебя.

— Ты должна чаще ходить на ужин с Маркусом, — говорит она.

И впервые за этот вечер я смеюсь.

12.

Я смотрю на моего спящего сына с примесью восхитительно удовольствия от его теплого тела, расположившегося у меня на коленях. Я глажу его по мягким волосам, он такой беззащитный, такой уязвимый. Я чувствую, как Блейк наблюдает за мной и поднимаю глаза вверх. Он смотрит на нас обоих с выражением, которое я могу охарактеризовать, как непомерная гордость, смешанная с чувством собственности. И в блеске его глаз я вижу защиту, пока он рядом с нами, мы оба будем в безопасности.

Блейк кладет Сороба в кроватку, пока я снимаю платье и аккуратно вещаю его, смываю макияж. Я не снимаю новые ювелирные изделия, потому что Блейк любит, когда на мне ничего не одето, кроме ювелирных украшений. Я расчесываю волосы, чищу зубы, закутываюсь в пушистый теплый халат и выхожу в спальню. Он расстегивает пуговицы на рубашке, снимает брюки.

— Иди сюда, — говорит он.

Я подхожу к нему.

— Я говорил тебе, какой красивой ты была сегодня вечером?

Я киваю.

— Я говорил тебе, насколько горд я был тобой сегодня вечером?

Я киваю.

— Хмммммм... мне кажется я уже приближаюсь, чтобы быть скучным.

— Я люблю скучных мужчин.

Его губы чуть-чуть кривятся в усмешке.

— Ого!... повышенная боевая готовность... возбуждающе пригодно для дальнейшего употребления, — шепчу я.

— Подаются горячим и заглатывается целиком, — говорит он, и его руки движутся к поясу моего халата. Он ловко развязывает его и медленно раскрывает полы халата, чтобы поцеловать мой правый сосок. Мое сердце, затаив дыхание, замирает, чтобы потом пуститься в голоп. Его большие руки исчезают под складками материала и чувственно скользят вниз по моим бедрам. Они останавливаются на моих ягодицах, лаская и сжимая их.

— Удивительно, но я никогда не устаю смотреть на твое тело, — бормочет он у моей шеи, в то время как его пальцы ласкают мое горло и голубы сапфиры.

Халат падает, моя голова запрокидывается назад, предоставляя ему большой доступ, к дорожке из поцелуев вниз по моему горлу. То ли стон, то ли хрип слетает с моих губ. Мое тело вибрирует, словно желе, от любого его прикосновения ко мне. Его рука крепко сжимает мои запястья и тянет их вверх, удерживая высоко над головой.

Он смотрит вниз на меня, по-прежнему не опуская мои руки, его вторая рука свободно собственнически бродит по моему телу. Как будто я рабыня на аукционе, и он оценивает меня, стоит ли покупать. Я прямо смотрю ему в глаза, дерзкие и доминирующим. Я чуть-

чуть приоткрываю губы, приглашая.

— Моя Иезавель, — говорит он сипло, и захватывает зубами мою нижнюю губу. Он сосет ее, потом опять прихватывает зубами и тянет, я вынуждена тянуться вместе с ним. Я поднимаюсь на цыпочки, все мое тело напряжено и кожа покалывает, между ног чувствуется влага. Он отпускает мои губы и отстраняется, оглядывая изогнувшееся тело, стоящее перед ним. На его лице отражается огромное удовлетворение. (*Иезавель (ивр. יזבבל) — жена израильского царя Ахава, дочь сидонского царя Ефваала, или Этбаала, который достиг престола через убийство брата.*)

Он разворачивает меня кругом.

— Руки на кровать.

Я широко расставляю ноги, наклоняюсь и упираюсь ладонями на одеяло, моя голова опускается вниз, задница находится высоко в воздухе. Я знаю, что он делает, заставляет меня ждать.

Предвкушать.

Я поворачиваю голову и наблюдаю, как он неторопливо снимает рубашку, очень сознательно медленно вытаскивает ремень из брюк, расстегивает пуговицу, тянет молнию вниз. Опускает пальцами в свои трусы. Потяни вниз. Он стоит позади меня, горячий, твердый, готовый. Я с нетерпением пожираю глазами потрясающее тело.

— Кому ты принадлежишь? — урчит он.

— Тебе, — мой голос хрипит.

— Какие части принадлежат мне?

— Все.

— Все?

— Все.

Он опускается на колени позади меня, его лицо в дюйме от моей киски.

— Я чувствую запах твоего возбуждения, — говорит он.

Я закрываю глаза, потому что настолько открыта и такая беззащитная. Секунды текут. Я жду, зная, что все это игра в терпение и ожидание. По моей коже пробегают мурашки. Я чувствую его горячее дыхание на моей влажной открытой плоти. Шок от его шелковистого языка, дотронувшегося до моих набухших складок, заставляет мою голову рвануться назад. Инстинктивно мои бедра двигаются ближе к нему, как попрошайничество. Я хочу почувствовать его внутри себя. Сейчас.

— Пожалуйста, Блейк. Пожалуйста. Войди в меня.

— Это мое? — спрашивает он, и впивается в киску.

— Арггггг...

— Прости, — приветливо говорит он. — Я не могу этого не делать, — он покусывает мои складки снова.

— Да, — кричу я.

— Могу делать все, что захочу?

— Да, да.

Его дыхание на мою промежность заставляет покраснеть и сделать мою кожу более чувствительной. Пальцами он раздвигает складочки и вставляет язык. Я задыхаюсь и начинаю дрожать. Он раздвигает мои бедра и сосет клитор.

— О Боже!

Восхитительные волны начинает распространяться по моему телу, но он вдруг убирает

свой рот. Пытка, это настоящая пытка. Он поднимается. Не будет никакого наполнения, растяжения или толчков? Внутри меня поднимается раздражение, потому что у меня яростная потребность в нем, в нем находящемся глубоко внутри меня, в принадлежности ему. Расстроенная и взглядом полным тоски я смотрю на него. Он прикован взглядом к моей открытой жаждущей киске.

— Стой так, — говорит он и садится на кровать напротив меня. Я смотрю на его огромный член. Мой рот открывается сам собой, дыхание становится учащенным. Он представляет собой прекрасный образец мужчины. У меня появляется сильное желание лизнуть эрекцию, но я беру его в рот, и сосу так сильно, что он беспомощно стонет.

Вероятно, у него появляется идея получше.

— Подойди и сядь на него, — командует он.

Я тут же выпрямляюсь, мне не нужно второе приглашение. По-кошачьи подползаю к нему и сажусь на жесткий ствол. Наслаждение. Ох! Удовольствие.

— Сядь как лягушка.

Я развожу широко колени, притягивая ступки ближе к его бедрам и упираюсь ладонями в его живот, выпрямляя корпус. Проникновение слишком глубокое. С тихим криком я отталкиваю ладони и чуть-чуть приподнимаюсь, но он отрицательно медленно качает головой.

— Сделай так, как я попрошу.

Прикусив губу, я расслабляюсь и опять опускаюсь полностью на его член, и задыхаюсь от внезапной боли. Несколько секунд он заставляет меня терпеть, потому что я испытываю ощущение чрезмерного наполнения, смешанное с острой болью, от того, что он находится очень глубоко внутри меня.

— Твоя киска ощущается настолько чертовски хорошо, что могу не выходить из тебя всю ночь.

Мы в упор пристально смотрим друг на друга. Должно быть мои глаза выражают полное удивление. Его взгляд горит возбуждением от доминирования надо мной, и то, что он видит меня в таком положении с широко разведенными коленями и свой член, похороненный слишком глубоко внутри моего тела, я с трудом переношу это положение, и начинаю хныкать, он жалеет меня.

— Наклонись вперед, — тихим голосом рычит он.

Я сразу же повинуюсь, и боль уходит. Остается только несказанное удовольствие от растянутости и наполненности. Он сжимает мою грудь и притягивает к себе, сосет жесткий мой сосок, сначала один, потом другую. Я начинаю двигаться на его эрекции, и мы стонем в унисон. Мой клитор трется о его лобковую кость. Назад вперед. Назад и вперед, насколько позволяет его жадный рот, не отпускающий мой сосок. Мы тремса друг о друга. Тремса. Восхитительное трение. Наши тела стали мокрыми и скользкими. Это прекрасно.

Он ждет меня, прежде чем позволяет себе взорваться внутри меня. Я падаю на него, прижимаясь щекой к груди, и слышу быстрые, гулкие удары его сердца и ощущаю сильные подергивания его члена внутри себя. Когда он затихает, я приподнимаю голову. Его глаза закрыты, лицо совершенно спокойно.

— Ты спишь? — спрашиваю я.

— Нет.

Кончиками своих волос я начинаю щекотать его подбородок.

— Какое твое любимое слово?

Он открывает глаза.

— Яйцо.

— Почему?

— Мне просто нравится, как оно звучит.

— Ты странный человек.

Он хихикает.

— А твое?

— Леденец.

— Я хотел бы изменить свое слово.

— На какое?

— Лана.

Я смеюсь.

— Это, мистер Баррингтон, самая избитая (старомодная) вещь, которую ты мне когда-либо говорил.

— Нет, правда. Каждый раз, когда я произношу его, или слышу, как его кто-то произносит, оно вызывает во мне трепет.

Я чувствую себя ленивой и расслабленной, лежа на него сверху.

— Мы так мало знаем друг о друге, правда?

— Я знаю все, что мне нужно знать о тебе. Все остальное я узнаю потом.

— Мне интересно, что ты знаешь обо мне?

— Ну, для начала я знаю, что ты храбрая.

Я хмурюсь.

— Храбрая? Я не храбрая.

— Ты одна из самых мужественных людей, которых я знаю.

— Какая же я храбрая?

— Ты ушла от меня. Это своего рода храбрость.

— Если бы ты знал, как мне было страшно, и я полностью запуталась, когда уходила.

— Вот, это и называется храбрость, Лана. Делать что-то, даже если тебя ожидают ужасные последствия. И я очень горд, что ты справилась с моим братом сегодня.

— Ты? – чуть ли не пишу я, непомерно довольная его комплиментом.

— Когда я был в туалете, так нервничал, из-за того, что оставил тебя с ним наедине, я вцепился в края раковины, пытаюсь удержать себя, чтобы не броситься назад в ресторан спасать тебя. Но я знал, что должен предоставить тебе шанс, чтобы в дальнейшем ты могла справляться с этим, и я рад теперь, что так сделал. Если ты смогла справиться с ним, ты сможешь справиться со всеми остальными в свое время.

— Я надеюсь, что ты прав.

— Если я не прав, то мы поработаем над этим вместе.

13.

Виктория Монтгомери

Если бы у меня был цветок каждый раз, когда я думал о тебе...

Я мог ходить по моему саду вечно,

Альфред Теннисон

Сегодня утром он мне звонит и сообщает, что хочет со мной встретиться. Его голос звучит, как-то загадочно отстраненным, но по-прежнему я чувствую, что он ужасно хочет видеть меня снова. Наконец-то. Я, конечно, ни разу, ну, может, раз или два, усомнилась устанет ли он от своей вороватой суки. Я всегда знала — он вернется.

Я смотрю на часы. Он будет здесь меньше чем через час! Чувствую почти головокружение от волнения и триумфа, одеваю белое нижнее белье. Шелк восхитительно скользит по моей пытающей жаром коже. Блейк любит женщин в белом. Шлюха это тоже знала. Ее бельевые ящики были полны белых кусочков. Мои губы сжимаются от собственной значимости. Я не буду думать о ней сейчас. С какой стати я думаю о ней? Я выиграла.

Я тоже, могу скакать на нем, как сумасшедшая, от возбуждения. Я тоже могу медленно раздеваться и ползти по полу к нему. Я буду открывать молнию на его брюках и брать толстый мужественный, пульсирующий силой и властью член глубоко в свое горло. Я проглочу все, что он мне даст. Он мой мужчина. Я буду миссис Блейк Лоу Баррингтон и буду ходить в рестораны и вечеринки, и люди будут видеть, что представляю из себя определенную власть, стоящую рядом с троном.

Я смотрю на себя в длинное зеркало до пола и не просто чувствую себя уверенной и довольной, но испытываю высшее удовольствие от образа, который вижу. Есть ли женщина более желанная, чем я, то я ее еще не встречала. Я — первоклассная во всем. Эта женщина, я даже не хочу произносить ее имя, дешевка. Даже лучшие дизайнерские одежды не могут скрыть этот факт. Это таится в ее глазах, пухлые губах, ее влюбленная лезть не растопит меня.

Я одеваю простое мятно-зеленое платье, его подол безупречно доходит до верха моих коленей, две нити кремового жемчуга. Ничего тщательно не подбирая из нарядов. Это и соответствует демонстрации моего триумфа. Нужно иметь определенную воспитанность и утонченность. И ко всему прочему это платье прекрасно задирается кверху на моих бедрах, когда я сажусь. Возможно... он скользнет рукой вверх по внутренней стороне моего бедра и, направится в сторону моих трусиков, вставит свои сильные пальцы в меня, один, два, может даже три... продвигая их все глубже и глубже, жестко двигая ими, пока я не закричу. Пока я не кончу, оросив его руку своими соками.

Я представляю, как он поднимает мою одежду, собрав ее вокруг талии. Он грубо сорвет мои трусики, широко разведет мои длинные, стройные ноги, я выгнусь перед ним от неудержимой похоти, и он съест меня, как дикий зверь. Я схвачу его за волосы, пока я... не кончу снова.

«Твой вкус гораздо лучше, чем ее», вот, что он мне скажет.

Мои ноги дрожат и трусики стали мокрые. Я вставляю палец в свое влажное отверстие, вытаскиваю его и кладу в рот. Это мой вкус. Именно он придется ему по вкусу. Потом приходит мысль: «У тебя не так много времени». Я отцепляюсь от моей фантазии. Я должна выглядеть полностью спокойной лояльностью.

Быстро, я двигаюсь к моему туалетному столику.

Немного черной туши, дымчато-коричневые тени и губная помада цвета сочной ягоды. Я сжимаю губы вместе, чтобы помада полностью распространилась по губам. Красиво. Очень красиво. Я буду мягкой и невинной, это всегда срабатывает. Я делаю мазок духов, впечатляющий запах и специально создан для меня, за ушами, на тыльной стороне запястья, и провожу по внутренней стороне бедра. Я не меняю мокрые трусики, меня на самом деле радует, что я буду сидеть рядом с ним влажной. Может быть, он будет пахнуть мной.

Мгновение я рассматриваю возможность, стоит ли мне предстать более откровенной, снять их вообще.

Мягкий звон дверного звонка, заставляет меня замереть на секунду. Слишком поздно. Придется остаться в платье цвета зеленой мяты. Кладу ладонь на живот, потому что нервничаю, словно я собираюсь на наше первое свидание. Вот это ночь была. Мы шикарно поужинали в «Nobu» и отправились на вечеринку. Я была так счастлива тогда. Везде, где мы проходили, люди смотрели на нас с завистью, потому что мы были золотой парой.

Я делаю глубокий вдох, пытаюсь успокоиться и направиться к двери. Мои шаги легкие и бесшумные по толстому ковру. С каждым шагом я становлюсь более спокойной, четко приближаясь к своей цели. Я открываю дверь мягко улыбаясь, зная, что я встречу мое будущее, и мое лицо сияет чистой любовью к нему.

— Здравствуй Виктория, — вежливо говорит он.

Его глаза. Его глаза такие безжизненные и холодные. Он изменился. Он изменился поспешно с головокружением упав с небес в ад. Я подавлена горем, так же, как и он, потому что, наверное, он до сих пор в трауре. Я беру руку Блейка и, опускаюсь на одно колено в знак уважения, так приветствуют только самых высокопоставленных лидеров, целую ее.

— Нет, — резко одергивает он, вырывая руку. — Я — не мой отец.

Смущенная и слегка пошатываясь, я поднимаюсь. Насколько сильно он стал другим.

— Пожалуйста, входи, — я шире открываю дверь и входит во внутрь. Я могу это сделать. Он неловко стоит в моем холле. Я отворачиваюсь от него и закрываю дверь. Мое сердце разрывается на части. Эта сраная сучка настроила его против меня?

— Может выпьем чаю, — говорю я, поворачиваясь к нему лицом. Мои глаза вышколены, невинны, казалось бы, совершенно не понимающие, что он делает со шлюхой.

Он, кажется, собирается что-то сказать, но передумывает и кивает. Я подняла свой флаг победы слишком рано, я еще не победила. Он не хочет быть здесь и не хочет меня. Я сохраняю нейтральное доброжелательное выражение лица. Заходим в гостиную, где нас ждет роскошный чай. Как только мы появляемся, я вижу, как Мария, моя экономка, выскальзывает в входную дверь.

Я указывают на диван, мы садимся рядом друг с другом. «Тиа», мой твердый персидский шоколад, располагается на стуле напротив нас. Мои глаза не могут оторваться от его бедра, которое находится рядом с моим, под тонкой шерстяной тканью просматриваются вылепленные крепкие мышцы. Я видела фотографии. Я хватаю чайник и разливаю чай в две чашки, точно зная, что он любит черный с двумя кусочками сахара.

— Молоко? — спрашиваю я.

— Черный.

— Сахар?

— Два, пожалуйста.

Он наблюдает за мной, пока я бросаю два кусочка сахара в чай. Я протягиваю ему чашку, умирая от желания, чтобы он прикоснулся своими тонкими мужскими пальцами, но я не показываю вида. Он берет блюдце за край далеко от моих пальцев. Я поднимаю на него глаза и делаю небольшой глоток чая с молоком, без сахара.

— Я сожалею о твоём отце. Он был хорошим человеком, — я с грустью улыбаюсь. Мне не нужно показывать печаль. Смерть его отца большой колоссальный удар для меня. Он был моим союзником, влиятельным союзником. Друг, которому я могла доверить свою спину. Он был тем, кто разделял мою цель. Но теперь он ушел.

— Спасибо, — его голос далекий.

— Теперь ты являешься главой состояния Баррингтонов.

Он хмурится, и от этого выглядит еще более внушительно.

Я тянусь за золотисто-желтой тарелкой с кексами с цукатами и орехами. С тех пор, как он был мальчиком, он никогда не мог устоять перед ними. Я специально заказала их у шеф-повара моего отца.

— Хочешь кусочек?

— Спасибо.

Я смотрю, как он откусывает кусок. Он — идеальный. От уверенного жесткого разреза рта, к выделяющимся скулам естественного бронзового цвета, к темным волосам, он идеально подходит мне. Он — мое сердце. Он мой. Мысль яростно собственническая и греет душу. Я должна заполучить его, или я умру.

Я тянусь под белую кисею за булочкой, она еще теплая. Я мажу ее маслом, кладу тонкий слой джема, подношу к моему рту, и понимаю, что я заболею, если не съем. Но он наблюдает за мной прищуренными глазами хищника. Прищурившись и оценивая. О чем он думает? У меня есть его фотографии, когда он с этой возмутительной женщиной, и он смотрит на нее ласково и бесконечно нежно. Я откусываю маленький кусочек, жую, пока уже больше не могу держать его во рту, и глотаю, глоток чая заставляет его опуститься вниз.

— Послушай, я пришел, чтобы сделать признание прямо сейчас. Я влюбился в Лану, — объявляет он резко.

14.

Я думаю, что мои глаза выражали полное удивление. С того момента, как я увидела его холодные, мертвые глаза у входной двери, я ожидала такого заявления, но моя реакция стала полностью произвольной. Просто ничего не могу с собой поделать. Услышав сухость его слов. Не «Прости, что я потратил твое гребаное время. Прости, что завлекал замужеством тебя все эти годы. Прости, что я непоправимо разрушил твое сердце на тысячи острых осколков». Ничего. Просто пустил эту стрелу мне прямо в сердце. Болезненная ярость поднимается внутри меня. Ярость, отвергающая нищенку. Когда мне было два года, я не бросалась на землю в истерике, я неслась к слугам и ударяла и била их жестоко. И от этого ярость была утолена и стихла. Я не могу показать ему, что я пребываю в ярости, поэтому быстро опускаю глаза.

— Я сожалею, — говорит он.

Его голос нежен, но, когда я смотрю на него снизу-вверх, то вижу его наблюдательные, совершенно до смерти не раскаивающиеся глаза, в которых читается полное осознание того, насколько глупа была идея жениться на мне. Как он мог думать, что мог жениться на мне и играть дома?

— Она не понимает наш путь. Ей не хватит смелости сделать необходимые вещи.

На его глазах как бы появляется завеса, по ним ничего невозможно прочесть.

— Я не хочу, чтобы она делала все эти вещи. Я хочу оградить ее от всего этого. Мы будем жить нормальной семьей.

— Но ты дал клятву.

— Единственная клятва, которую я дал — это молчание. И я не собираюсь ее нарушать.

— Не отклонись с пути (Не отбейся от стада).

— У меня уже есть путь.

Я хмурюсь.

— Ты бы отказался от абсолютной власти из-за нее?

Он грустно улыбается.

— Ох, Виктория. Как мало ты меня знаешь. Я даже не собирался просить тебя делать эти вещи. Я не хочу власти, я не переношу то, что мы делаем. Я продолжаю этот путь, поскольку не знаю ничего лучше. Пусть другие сражаются за абсолютную власть. Единственная причина, по которой я остаюсь – уход — это не вариант.

Я протягиваю руку и дотрагиваюсь до его рука и... он отшатывается. Чуть-чуть, но я это замечаю. Безжалостная когтистая лапа в груди сжимает мое сердце все крепче и крепче, пока я чувствую, что не могу дышать. Так это и есть любовь, удивленно размышляю я. Ни один не может даже себе вообразить, насколько ядовита ненависть, поселившаяся в моем сердце к этой проклятой женщине, которая украла моего мужчину.

Лана чертова Блум.

Она не имела права. Я застываю от невероятной боли.

Мгновенно он тянется к моей руке, она такая атласно мягкая, но ледяная и совершенно безжизненна.

— Ты в порядке? — его голос слышится каким-то приглушенным, как будто я нахожусь под водой, а он разговаривает со мной.

Я киваю, заставляя себя собраться, потому знаю, что еще смогу все изменить. Я делаю глубокий вдох, перестаю сидеть, как застывшая статуя, и поворачиваюсь к нему с сухими глазами.

— Ты уверена, что с тобой все в порядке? — повторяет он.

Изображаю светлую улыбку на моих губах.

— Конечно.

— Ты заслуживаешь найти того, кто будет любить тебя. Мы не любим друг друга. Мы собирались пожениться по совершенно неправильным причинам. И я понимаю это сейчас, — говорит он с захватывающим мужской эгоизм.

Да, ты нашел свою шлюху и теперь просто хочешь оттолкнуть меня. Я вспоминаю снова тот момент, когда решила предложить ему себя после его утреннего звонка, чтобы показать насколько хорошо нам будем вместе.

Я киваю.

— Ты прав, наверное, это к лучшему. Вероятно, все бы закончилось судом по бракоразводным процессам, — я снова улыбаюсь, на этот раз примирительно.

Он отвечает такой же улыбкой, похоже он думает, что все закончено. Мне просто нравится, что он может вот так, вытереть об меня ноги.

— У тебя есть сын?

Его глаза ярко вспыхивают, и он достает бумажник и показывает мне фотографию своего проклятого ребенка, я клянусь, я сейчас буду визжать, но он похоже ничего не замечает.

— Он радость всей моей жизни, — просто говорит он.

В этих немногих словах я вижу то, что никогда не смогу получить. В моей голове звучит голос: «*Чувство обид, сродни тому, что выпиваешь яд и ожидаешь другую особу, чтобы умереть*». Сами собой мои нежные пальцы начинают барабанить с усилием по стеклянному журнальному столику. Я вижу, как его взгляд метнулся к моей руке. Я рывком убираю ее и

кладу в другую руку. Мне нужно что-то предпринять, причем быстро. Он собирается уйти от меня. Я с трудом сглатываю комок в горле и ничего не видя смотрю на стеклянную поверхность столика. Почему его поверхность такая коварно гладкая и неподатливая? Мой взгляд цепляется за край тарелки с недоеденной булочкой и ножом для масла... Это чистое безумие, в другой ситуации я бы даже не остановила глаз, но за какие-то доли секунды я принимаю решение.

Я позволяю своему телу наклониться вперед, как будто мои кости внезапно растаяли. Мелькают перед глазами гладкой край жесткого стекла, блеск заостренного лезвия и острый край столика встречается с моим лицом. Возможно кто-нибудь другой, поддался бы инстинктам и сохранил себя, увернувшись от падения, но я нет.

Хорошо, что я храбрая.

Я рисковала выбить себе глаз и выиграла, всего в паре дюймов от заостренного конца ножа, меня поймали крепкие руки. Я поднимаю свое тело и прижимаюсь к нему, его запах атакует мои чувства. Боже, я люблю этого мужчину уже так давно. Я продолжаю держать мои глаза закрыты, и мое тело двигается с трудом и полностью прилипло к нему, мое платье задралось на бедрах.

— Виктория, — быстро окликает меня Блейк, но я позволяю своей шеи наклониться к его рукам, так что мое оголенное горло предоставляет ему возможность, почувствовать уязвимость данного положения. Я хочу, чтобы он почувствовал себя мужественным, сильным и свою способность защитить меня. Положение настолько неуклюжее, и он поднимает меня. Это настолько неожиданно и восхитительно романтично, что я чувствую себя одной из тех женщин на обложке, которые в захлеб читает моя мама сладострастные романы.

Я хочу, чтобы он держал меня так вечно, но он укладывает меня на диван. Тем не менее, он настолько нежно забиться о моем «обмороке», что я вдруг понимаю, что он должно быть любит меня. Скорее всего он не знает об этом, но я именно та, которую он по-настоящему любит. Возможно ее ему необходимо использовать для секса, но меня он любит. Только меня и всегда любил. Он опускает платье вниз по моим бедрам. Какой джентльмен. Он мог воспользоваться мной, заглянуть в мою киску или иметь секс с моим инертным телом.

У меня появляется великолепная моя собственная фантазия.

Как я лежу на столе в обмороке и совершенно незнакомый мужчина, похожий на Блэйка, темный и опасный, приходит и грубо разводит широко мои бедра и входит в меня, заставляя мою киску набухать и безжалостно начинает двигаться до боли. Я все чувствую, но я не в состоянии произнести ни единого звука протеста, в тот момент, когда его огромный член безжалостно меня расширяет.

Но как только мужчина понимает, насколько голодная и мокрая я предстала перед ним, он понимает, что необходимо использовать мое тело по полной, и он становится невероятно жестоким. Мое собственное молчание оглушает меня. Я молча плачу, пока он делает со мной ужасные вещи, пока я с трудом ощущаю себе еще человеком. Потом он уходит, даже раньше, чем я просыпаюсь.

Иногда я даже фантазирую о том, что ко мне приходит группа мужчин, разномастные и обладающие разными запахами для того, чтобы воспользоваться моим телом, пока я лежу здесь. Никто из них не использует презервативы, но при этом они используют все мои отверстия и говорят мне, что я ничто, всего лишь кусок мяса.

Руки Блейка скользят под мои колени и шею, и я чувствую, как он встает, через

несколько секунд моя голова поднимается на подушку. Я слышу, как его шаги в сторону ванной. Он возвращается с холодным полотенцем, которое кладет на мой лоб. У меня вырывается негромкий стон, и я разрешаю своим векам немного подвигаться, Блэйк зовет меня. Я медленно открываю глаза и немного закатываю их.

— Что случилось? — еле слышно спрашиваю я.

— Ты упала в обморок.

Я пытаюсь подняться на локтях, затем притворяюсь, что от такого усилия у меня кружится голова, моя голова покачивается.

— Успокойся. Лег на спину.

Я позволяю себе упасть на спину со вздохом облегчения, и смотрю на него снизу-вверх, он хмурится.

— Такое часто случается? — спрашивает он.

Я качаю головой.

— Я буду в порядке через минуту.

— Могу я тебе что-нибудь принести?

— Мне холодно.

Он оглядывается и, не найдя ничего, чем бы можно было укрыть меня, снимает пиджак и накрывает им меня. Сохранившиеся тепло его тела, которое я просто хочу закрыть глаза, и смаковать его. Ах, почему, ах, почему же она пришла и украла его у меня? Все шло прекрасно, пока она не вторглась в наши отношения. Он любит меня по-настоящему, мы не чужие люди, мы вместе росли.

— Прости, — тихо говорит он.

Я знаю, что он сожалеет. Это грязная сука, с которой у него всего лишь секс. Мне следовало переспать с ним, но я могу довольствоваться тем, что вижу сейчас. Мое сердце переполняется горьким сожалением, что я никогда так и не спала с ним.

— Это не твоя вина, — шепчу я. Слезы текут из моих глаз.

Он опускается на колени рядом со мной.

— Ты знаешь, о чем я жалею больше всего?

— Нет.

— Я сожалею, что мы никогда не занимались любовью, ни одного раза. Можем мы? Просто один раз, вспомнив старые добрые времена?

Мои слезы высохли так же внезапно, как начались. Я смотрю на него снизу-вверх сквозь влажные ресницы. Он во все глаза смотрит на меня, не выражая никаких эмоций, но мое сердце и глаза переполнены горячим голодным желанием его. Все мое существо горит от желания получить его. Единственное, что я хочу почувствовать это его горячие губы на своих губах, лице, горле, груди, между ног...те видения, которые я на время выкинула из своего сознания. Мой вероломный язык облизывает мою нижнюю губу.

— Только в этот раз, — мой голос хриплый и густой, глаза полуприкрыты.

Он все еще смотрит на меня в упор ничего не выражающим взглядом, поэтому я наклоняю голову так, чтобы обнажить изгиб своей шеи. Блейк не делает никакого движения и просто молчит, пока неожиданно полуприкрытыми глазами, я не вижу его кожаные ботинки, спокойно направляющиеся в противоположную сторону от меня. Он явно идет к входной двери, он собирается уйти, и он на самом деле уходит.

Ублюдок!

Несколько драгоценных секунд я лежу в полном шоке, не в состоянии сказать ни слова,

словно парализованная, кровь леденеет в моих венах. Даже мой мозг отказывается что-либо придумать и предпринять, ему никогда, никогда не приходило на ум, что он может просто вот взять и уйти от меня. Что теперь?

Я поднимаюсь и зову его имени.

Он не останавливается.

Мой желудок сжимается с такой силой.

— Ты не можешь оставить меня.

Он останавливается и поворачивается ко мне лицом, смеясь, его смех звучит пусто, грубое и лишен всякого юмора.

— Когда ты видишь что-то, что тебе хочется, ты считаешь, что можешь просто протянуть руку и взять это, не так ли?

— Кто бы говорил! – тут же отвечаю я. Черт, я зря это сказала. Я смотрю на него в панике, потому что все пошло совсем ни так, как я планировала.

— Ты чертовски избалована, — то, что он говорит не отражается в его глазах, в них видится усталость – усталость мужчины, который сыт этим всем по горло. Он отрицательно качает головой и начинает уходить от меня. Он уже у двери, его рука тянется к ручке. И вдруг я понимаю. Я точно понимаю, как остановить его от выбранного курса и точно его убедить. Я глубоко вздыхаю и говорю:

— Я знаю на что это похоже. Я принимала участие, — кричу я. Мой голос, словно колокол в тишине комнаты.

Его рука замирает, он медленно поворачивается ко мне.

— Что?

15.

Выражение его лицо говорит о большом потрясении. Получается, что мой отец, занимающий не низкое положение в «соответствующем обществе» предложил свою дочь таким вот образом. В его глазах читаются искры недоверия, и еще сострадание и мягкость. Она изменила его, я никогда не видела, чтобы он так смотрел на кого-то.

— Я была ребенком. Я не издал ни единого звука. Я не видела их лиц, они менялись. Я никогда не смогу этого забыть, — шепчу я. Я однозначно очень убедительная актриса.

Он направляется ко мне и обнимает.

— Прости, Виктория. Очень жаль, я не знал. Отец должен был защитить тебя.

— Сейчас уже это не имеет значения. Я просто хотела, чтобы ты знал, что я очень много страдала.

— Я не планировал, что все произойдет таким образом, — тихо говорит он. – Но так произошло, я влюбился в нее.

Я смотрю на него большими-при большими глазами.

— Я не виню тебя за то, что ты влюбился в другую женщину. Я даже не злюсь на тебя или нее. Но я страдаю очень сильно. Но для тебя это просто. «Давай дружить», скажешь ты, но для меня это не так-то легко. Я люблю тебя и всегда буду любить. Это внутри меня, как день и ночь, и мучает меня неустанно. Мое сердце кровоточит, Блейк. Я не могу есть, не могу спать. Я знаю, ты не просил мое сердце, но я отдала его тебе так или иначе, — я горько улыбаюсь. — Ты был бы шокирован, если бы узнал, как мне больно. Я словно схожу с ума.

Он с печалью смотрит в мои глаза, и это настолько невероятно.

— Ох, Виктория.

— «Сердце и предназначено, чтобы разбиваться», — говорю я, цитируя Оскара Уайльда, и вижу, как еле заметная улыбка появляется на его губах.

Она становится немного шире.

— Я не думал, что ты способна на такое. Я не знаю, что думать. Те взаимоотношения между нами, — он беспомощно раскрывает ладони, — не подразумевали такого. — он останавливается на мгновение. — Я не думал об этом так, поэтому не заботился о тебе для себя, или о ком-то еще в этом случае. Я был жесток.

— Добро пожаловать в мой мир, — говорю я.

Я вижу, что он жалеет меня.

— Мне нужно ехать, — бормочет он.

— Береги мое сердце, ты держишь его в руках.

Он целует меня в макушку и уходит, тихо закрыв за собой дверь.

— Я молюсь за тебя, — шепчу я в закрытую дверь.

Я не знаю сколько я так стою, глядя на эту дверь, совершенно опустошенная и непонимающая, потому что все мои мечты и надежды разрушены и лежат осколками вокруг меня. Наверное, я думаю, что он еще вернется. Позвонит в звонок и скажет, что мне все это ужасная ошибка. Я даже ждала больше обязательных ста восьмидесяти секунд, пока мой мозг прокручивал унижение моего полного поражения. Я прихожу в себя только, когда чувствую шелковистую шерсть, трущуюся о мои голые ноги, опускаю глаза вниз. Тиа нежно мурлычет.

Я нагибаюсь и подбираю ее теплое, мягкое тело, располагаю напротив своей груди и смотрю на ее красивую морду. Она внимательно глядит на меня одним синим и другим медно-красным глазом, моргает, пытаюсь прижаться к моей груди. Даже кошка нашла удовлетворенность в своей жизни.

Вдруг совершенно неожиданно горячее волнение яда, которое всегда скрывалось в самой глубине моего нутра, тошнотворно поднимается к голове, заставляя появиться в моих глазах раскаленные красные искры, от которых я сотрясаюсь, словно от удара молнии. Я полностью теряю контроль, позволяя себе выйти из себя, поддавшись своей ненависти, словно буйно помешанная. С диким яростным воплем и со всей развращенной злобой очковой змеи, высиживающей свои невылупившиеся яйца, я с силой швыряю ничего не подозревающую кошку об стену, которая расплющивается с растерянным воплем о поверхность, выпустив когти и взъерошив мех. Животное похоже проклинаят, плюется и шипит на меня, а затем его тело в шоколадную полоску, испуганное бешенством и болью, скрывается от меня.

Мои ногти впиваются глубоко в ладони, но я не чувствую боли, только необходимость разрушать. Я поворачиваюсь и смотрю в зеркальную стену, лицо покраснело, и глаза горят диким лихорадочным огнем, рот приоткрыт, дыхание тяжелое, как будто я долго бежала и запыхалась, и от этого моя грудь вздымается.

Низ живота сжимается от боли, сердце пускается вскачь, голова начинает гудеть, во рту появляется привкус металла. Я чувствую начавшуюся дрожь в моих пальцах, это случилось. Сначала незначительно, легкое подрагивание пальцев, как при тряске у алкоголика, которому необходимо опохмелиться утром, но оно становится сильнее, более настойчивее. И я отпускаю эти прекрасные ощущения, которые подчиняют мое тело, выплескиваясь из него и превращаясь в пылающий шар чистой энергии.

Я вижу комнату, как в тумане. Первый же предмет, который попадает в поле моего зрения, теряет свои очертания и превращаясь в ничто. Мое вибрирующее тело начинает трястись от ярости. Вдруг я чувствую вихрь энергии, пронзившую меня, и начинаю метаться по комнате. Я хватаю сделанный на заказ стул, как будто он весит не больше спички, поднимаю его высоко над головой, подсакиваю к зеркальной стене и со всего маха ударяю по ней. Раздается громкий звук взрывающегося и осыпающегося стекла. Я бью снова и снова. Стул ломается. Я смотрю на себя в разбитые осколки зеркала. Возбужденная с развевающимися волосами, с оскалом на лице, я действительно внушаю ужас.

Я уничтожу все!

В итоге, когда я падаю на пол полностью обессиленная на кучу хлама, комната представляется собой руины. Дорогие парчовые шторы валяются разорванные в клочья, каждая вещь, которую можно было разбить, разбита вдребезги, и мой красивый маникюр теперь с поломанными ногтями и кровоточит. Глаза путешествуют по всему, что я уничтожила, но в своем сердце я не чувствую никакого раскаяния. Я полна полным пренебрежением.

Собственно говоря, я чувствую себя намного лучше сейчас. Тот огульный ущерб, который я нанесла, подействовал на меня освежающее и глубоко очищающе. Завтра я отправлюсь по магазинам, покупки всегда фантастически меня воодушевляют. Я куплю что-нибудь приятное для Тиа (мне не следовало швырять ее об стену) и что-то потрясающе дорогое и красивое для себя для того момента, когда Блейк вернется ко мне. Это всего лишь небольшая неудача. Скорее всего, он устанет от нее.

Я встаю и чувствую резкую боль в колене, опускаю глаза вниз.

Огромный синяк тянется вверх через порванную юбку моего платья. Я, пошатываясь, бреди в ванную, останавливаюсь перед зеркалом и гляжу на себя глазами, наполненными слезами на бледном лице, я смотрю на себя и понимаю, что на самом деле, я необычайно красива. Я фыркаю на свое отражение, внимательно рассматривая себя, и наблюдаю за тем, как мои губы, покрашенные ягодным цветом помадой, приходят в движение. Сами по себе они произносят:

— Я верну его обратно. Конечно, я смогу.

16.

Лана Блум

Я провела большую часть дня беседуя по телефону с адвокатами и консультантами, обсуждая лучший способ, как мне настроить и начать благотворительность. Сейчас я в кухне готовлю простой ужин, пока Сораб дремлет в манеже. Я слышу, как открывается входная дверь и видимо приходит Блэйк, но я не бегу его встречать, потому что не хочу, чтобы переварилась спаржа, которая будет готова через минуту.

— Мы на кухне, — понизив голос мягко говорю я, чтобы не разбудить Сораба.

Я слышу, как Блейк закрывает входную дверь и появляется в дверях, прислонившись к косяку, и просто смотрит на меня.

— Что?

Он качает головой и продолжает смотреть на меня, не отрывая глаз.

— Блейк?

К моему ужасу, его глаза наполняются слезами.

Я тут же кладу дуршлаг со спаржей и подбегаю к нему, взяв лицо в ладони, всматриваюсь в его лицо.

— Ах, мой дорогой, что случилось?

Он ловит мои пальцы и прижимает их к своим губам.

— Ничего. Я просто пьянею, когда смотрю на тебя.

Его губы мягко целуют мои руки, отнимая их от своего лица.

— Это ведь неплохо, верно? — подтруниваю я.

— Я люблю тебя, Лана, я постоянно думаю о тебе. Постоянно. Единственное, чего я боюсь в жизни — потерять тебя. Ты знаешь, я готов рисковать всем ради тебя?

От его слов теплое чувство распространяется по всему моему телу.

— Я здесь, Блейк с тобой, и принадлежу тебе и всегда буду.

— Я встречался с Викторией сегодня.

— Да.

— Я сказал ей, что люблю тебя.

— Как она отреагировала?

— Она утратила самообладание, честно говоря, я не ожидал это от нее. Она была такой несчастной.

Я отстраняюсь немного назад.

— Мне заплатил не твой отец, чтобы я исчезла, а она.

— Я знаю. Когда я обнаружил, что Сораб мой ребенок, я проследил движение денег, которые упали тебе насчет, они привели меня к ее трастовому фонду. Я был в ярости, потому что именно из-за нее я получил год мучительной боли, однако борьба с ней не входила в первоочередные приоритеты. Информация — это власть, и мне было необходимо, что мой оппонент думал, что я не в курсе, только тогда у меня могло быть преимущество, поэтому я так и не раскрыл свои карты, но действовал в соответствии с тем, что знал.

— Когда я направился сегодня к ней, был полон желания просто холодно с ней распрощаться, убрав ее из нашей жизни, но потом она кое-что сказала, и я испытал к ней жалость. По правде говоря, я причастен к этому. Я нарушил обещание жениться на ней, поэтому у нее, естественно, есть все причины для гнева и страдания. Я никогда не хотел ей мстить, и теперь мне на самом деле даже жалко ее. У меня есть все, а у нее ничего, но я надеюсь, что у нее все будет хорошо. Когда-нибудь, я думаю, мы даже можем стать друзьями.

— Ей, похоже, не жалко меня.

— Она избалованная дочь очень богатого человека, которая привыкла получать все, что хочет, но даже она была сломана любовью. Думаю, она больше не будет нас беспокоить.

Я молчу.

В тот вечер Сораб засыпает прямо на груди своего отца, который устроился в гостиной. Я следую за Блейком, который относит Сораба на ночь в его комнату. Сначала Блейк, а потом и я наклоняемся, чтобы поцеловать нашего ребенка в гладкую щечку, пока он спит на боку. Подняв глаза, ловлю взгляд Блейка, который в упор смотрит на меня. В тени полумрака спальни он выглядит таким гордым от переполнявшего его чувства собственности. Мы — его семья.

Он берет меня за руку и ведет в нашу спальню...и занимается со мной любовью так, как он никогда не делал раньше. С бесконечной нежностью, как будто я — хрупкая бабочка и мои крылышки могут исчезнуть, как пыльца на его пальцах, если он не проявит большую

осторожность, дотрагиваясь до меня руками. Он делает это долго, медленно и глубоко, и когда он достигает кульминации, хрипит мое имя с такой силой, как будто падает с обрыва и я — последнее лицо, которое он видит. Страстное желание, звучащее в его голосе — это бальзам для моего сердца.

Я вытягиваюсь на животе на роскошных простынях.

Его пальцы легко передвигаются вверх и вниз по моей спине.

— Мне нравится чувствовать твой позвоночник, изящные маленькие косточки твоего тела. Они похожи на обтянутый кожей зубки, но не острые. Когда ты двигаешься они передвигаются у меня под пальцами.

У меня вырывается смешок.

— Боже мой! Ты оказывается стал поэтом.

— Это любовь. Сама любовь разрушает того, кто любит.

Нахмутив лоб я поворачиваюсь к нему лицом.

— Ты говоришь, что твоя любовь ко мне разрушает тебя?

Он собственнически приподнимает мою голую грудь.

— Чем больше я тебя люблю, тем более незнакомым, я становлюсь для себя. Сейчас я делаю и говорю такие вещи, которые я никогда даже не мечтал и не думал делать или говорить. Мне с трудом верить, что все эти годы я жил без тебя.

Я провожу пальцем вниз по его щеке.

— Иногда мне становится страшно. Все, что я когда-либо любила у меня отняли, — я опускаю глаза вниз, потому что мой голос начинает дрожать и пытаюсь остановить внезапно появившиеся слезы, которые портят такой прекрасный момент.

Он наклоняется и целует мое левое плечо.

— Любовь моя, моя любовь, если ты еще жива, а я нет, тогда я буду преследовать тебя до тех пор, пока не настанет твой день смерти.

Я смотрю на него с болью в глазах.

— Это не смешно, Баррингтон.

— Я знаю, мое дорогое сердце. Это смешно только в том гребанном мире, в котором существую я. По правде говоря, я хочу, чтобы мы вместе состарились и никогда не были в разлуке ни одного дня в своей жизни и умерли в один день и час.

— Я тоже. Я даже не хочу говорить тебе спокойной ночи, потому что потеряю тебя на несколько часов.

Он дотрагивается пальцем до моего виска.

— Иногда я просыпаюсь и наблюдаю за тобой, когда ты спишь.

— Да.

— Ты знаешь, что иногда ты улыбаешься во сне?

— Я?

— Ты всегда выглядишь такой беззащитной и ангельской, как одна из тех сказочных принцесс из моего детства.

— Сказочная принцесса? — мне явно нравится эта идея.

— Да, и часто мне хочется запереть тебя подальше в заколдованной башне, чтобы никто не мог добраться до тебя, кроме меня.

— Ты не должен запирает меня в башню, потому что я всегда здесь с тобой.

— Если принцесса не заперта, значит она плохая. Принцесса взаперти, потому что она бесценна настолько, что не передать словами, поэтому каждый хочет дотронуться до нее, —

его голос меняется, становится серьезным. — Я должен доставить тебя туда, где тебе никто не сможет причинить боль.

— Я и нахожусь уже там. Прямо здесь, рядом с тобой.

Он хмурится.

— Но когда меня нет рядом...

— Брайан и его свора победят всех.

— Я все же предпочел бы запереть тебя в заколдованной башне.

— Это звучит не совсем справедливо. Я получается уду сидеть взаперти, пока ты будешь передвигаться по миру и делать, что тебе нравится.

— Мне не нравится то, что я делаю, Лана. Я делаю это потому, что мне необходимо это делать.

— Почему ты не уйдешь? У тебя всего очень много, чем мы можем потратить.

— Иногда нам дают иллюзию выбора. Предложи человеку, умирающему в пустыне от жажды, стакан воды и скажи ему, что это его выбор — пить или оставить его. Это действительно выбор, Лана?

Я молчу, потому что прекрасно помню, что, когда моя мать была больна, тогда выбор стал иллюзией.

— Я похож на этого человека, — продолжает он. — Если я напьюсь, то это будет означать опасность для тебя и Сораба. Я знаю слишком много о них, поэтому они не позволят мне уйти. У меня есть определенные обязанности, которые я должен выполнять.

— Обязанности предполагают беспокойство об уничтожении мира?

Он грустно улыбается и кладет свой палец на мои губы.

— Не слова больше. Это произойдет со мной или без меня.

— Тогда зачем тебе это делать?

— Что происходит с разоблачителями, Лана?

— Они попадают в тюрьму, или с их близкими и с ними тоже может произойти «несчастный случай», они могут совершить «самоубийство» и на повестку дня выходит сплошная череда странностей.

Я хмурюсь и отодвигаю рот от его пальцев.

— Почему?

Его пальцы опять останавливаются на моих губах, давая понять, чтобы я прекратила все дальнейшие расспросы. Его глаза выглядят такими грустными, я сожалею, что начала этот разговор, придвигаюсь к нему поближе и обнимаю крепко-крепко. Он испытывает внутри себя настоящую боль. Я чувствую, что эта боль ужасна, но он не может мне ничего сказать. Он тот человек в пустыне со стаканом, полный прохладной, живительной влаги. Я прошу его выпить, но он отказывается из-за меня и Сораба. Я понимаю, что у него есть серьезные основания хранить тайну, потому что тогда, от этого будет действительно польза нам всем, иначе может что-то случиться со мной и с Сорабом. Я просто должна принять это. Я потом решу отстать от него или нет, в конце концов, я сама проведу свои собственные исследования.

— Я иду завтра в церковь.

— Окэй, в какое время ты бы хотела, чтобы мы пошли?

Я смотрю на него удивленно.

— Ты собираешься пойти со мной в церковь?

Он пожимает плечами.

— Почему бы нет?

— А как насчет братства?

— Плащ респектабельности братства подразумевает организованную религию.

И я вспоминаю, что похороны его отца происходили в церкви.

— Но если ты пойдешь со мной, разве это не обман?

Он смотрит мне в глаза.

— Нет.

— Я буду любить тебя, даже если ты не будешь ходить в церковь.

Он кладет свою голову на подушку рядом со мной и смотрит в глубину моих глаз.

— Часто я смотрю на тебя и не могу поверить своему счастью, — шепчет он.

Спустя два дня я толкаю коляску с Сорабом по Кенсингтон-хай-Стрит, когда вдруг замираю на пол пути. Кровь застывает в моих венах. В какое-то мгновение, мне кажется, что я вижу себя со стороны, как в фильме, который вдруг замирает.

Всего в нескольких ярдах от меня стоит Виктория. Мы молча разглядываем друг друга. Ее ослепительно яркие глаза горят чем-то странным, какой-то смесью недоумения и ненависти. Она напоминает мне дикого зверя, который попал под дробилку, поэтому очень опасен из-за своего отчаяния. Я знаю, что я в безопасности, Брайан громко позвал меня, но я все еще чувствую ледяную когтистую лапу страха, сковавшую мое сердце.

Она делает шаг ко мне и мои внутренности получают такую встряску, как будто я нахожусь в быстро движущийся лифт, который внезапно останавливается. Мой ум немедленно начинает работать как бы защитить Сороба, хотя голос в моей голове говорит, что она не осмелится, но я все равно готова ко всему.

Она движется ко мне с гордо поднятой головой, с немигающим и убийственным взглядом, изучая меня, я тоже не отрываю от нее глаз, пока она не проходит мимо, так близко, что ее плечо чуть ли не задевает мое. Ту злобу и безумие, которые я вижу в ее глазах, окатывает меня словно холодом до самых костей. И все же, она ничего не сделала. Я оборачиваюсь и смотрю ей вслед, она удаляется, даже не повернувшись.

Я зажимаю свой рот рукой, пытаюсь закрыть мимолетный вскрик, от ужаса осознания того, что она обманула Блейка. Она не остановится, создаст проблемы. Но как мне убедить его по поводу нее? Она ничего не сделала мне.

В этот вечер губа Блейка накидываются на мои, и он сообщает, что мы собираемся в Дубай на романтический уик-энд. Я так растерялась в этот момент, что забыла маниакальную ненависть в глазах Виктории... на мгновение.

17.

Когда мы приезжаем в аэропорт, я с удивлением отмечаю, что мы идем не в частный самолет Блейка, а в Боинг 767. Мы поднимаемся на борт, я смотрю в благоговейной тишине широко открытыми глазами. Этот самолет не похож ни на один, который я когда-либо видела. Совершенно новый внутренний дизайн выглядит, как интерьер апартаментов по размеру, так же и по содержанию — роскошной и потрясающе элегантный.

Я обращаюсь к Блейку.

— Ты владеешь всем этим?

— Он зарегистрирован на банк штата Юта.

— Но на самом деле он твой?

Он пожимает плечами.

— Собственность ничто, контроль — все.

Улыбчивый персонал предлагает обустроиваться и горячие полотенца.

После взлета я обращаюсь к Блейку.

— Я могу все посмотреть?

— Хочешь, чтобы я показал тебе?

— Неа. Хочешь взять все это в свою собственность.

Он улыбается и тянется за своим портфелем.

— Дерзай!

Я прикасаюсь губами к его губам.

— Я пойду.

Я забираю Сораба у Джерри, и мы начинаем исследовать три этажа. Это поистине ошеломляюще. Во всех помещениях обтекаемые формы, нет никаких углов и линии настолько плавно переходят в окружающую обстановку, что не понятно, где что кончается. Есть обеденный стол, рассчитанный на двадцать персон, три гостевые спальни с ванными комнатами, лифты, кухня, офис, зал заседаний, две роскошные гостиные с диванами кремового цвета, концертный зал, ТВ-зал, тренажерный зал и сауна.

В конце мы оказываемся в главной спальне, которая является двухуровневой. Я игриво бросаю Сораба на массивную белую кровать, и он подпрыгивает, пружиня, и визжит испуганно, потом начинает смеяться, тянет ко мне ручки. Я беру его на руки и подбрасываю опять на кровати, он счастливо заливается и поднимает ручки снова.

— Последний раз, — говорю я, подбрасывая его, он отскакивает, потом садится и ползет ко мне, я ложусь на кровать.

Он вскарабкивается на меня, я поднимаю его на вытянутых руках в воздух, он смеется.

— Мама и папа скоро окрестят эту кровать, — говорю я ему.

Он хохочет и пускает слюни.

— Я знаю. Было бы здорово, да?

Звонит мой мобильник.

— Ты где?

— В спальне.

— Оставайся там!

Мы час играем все вместе, просто как обычная семья. Когда Сораб засыпает, мы кладем его между нами и просто смотрим друг на друга.

— Нам так повезло, правда? — шепотом спрашиваю я.

— Я верю, что да, когда у меня есть вы оба.

Я широко улыбаюсь.

— Хочешь заняться сексом?

Его ответная улыбка напоминает волчью.

— Конечно.

— А что с его Высочеством? — я киваю головой в сторону спящего ребенка.

— Он может остаться на кровати, — отвечает Блэйк и хватает меня за руку, тянет вниз, чтобы я спустилась с кровати. И на мягком белом ковре мы тихо занимаемся сексом. Это какое-то незнакомое и радостное действие, которое невероятно возбуждающее.

Когда мы заканчиваем, я выдыхаю и стону:

— Мои колени.

— На пути обратно домой мы воспользуемся кроватью, — обещает Блейк.

Я смотрю на него с удивлением, прядь волос спадает на лоб, глаза сверкают, он выглядит помолодевшим и беззаботным.

Дальше нас ждет полет на вертолете, который доставляет прямо на крышу легендарного и фантастически прекрасного «Бурдж Аль-араб», считающимся самым лучшим из трех семи-звездочных отелей в мире. Как только мы ступаем на зеленое покрытие посадочной площадки, официанты во фраках и белых перчатках, выстроившиеся в линию, приветствуют нас с шампанским и цветами.

Без всякой регистрации нас сразу же провожают в королевский люкс, внутри которого встречает шокирующее великолепие. Роскошь и богатство этого необъятного номера почти пугает. За дверью все время присутствует дворецкий, который знает нас всех по именам, и откровенно говоря, меня немного нервирует! Я чувствую себя в какой-то степени чуть-чуть обманщицей. Естественно, только короли и императоры могут жить в такой изысканной роскоши, с позолотой почти на любой поверхности, с императорскими креслами, застланными шкурами леопарда.

Стены в королевском люксе из красного шелка, из холла поднимается парадная лестница, с искусными вырезанными узорами, черными перилами с золотом, ковровые дорожки сделаны из искусственных шкур леопарда. Даже Джерри удивленно таращит глаза и молча двигается за мной. Когда она скрывается в своей спальне с Сорабом, я поворачиваюсь к Блейку.

— Ну, что ты думаешь? — спрашивает он.

— Ну, это все...несколько высокопарно.

Он усмехается.

— Я рад, что ты это сказала, а не я.

Мы смеемся, и в этот момент я чувствую себя самым счастливым человеком на земле.

— Может нас следует проверить спальню?

— Может нас следует дождаться темноты?

— Трусиха, — дразнит он, взяв меня за руку, тянет в сторону спальни.

Мы останавливаемся в дверях.

Комната огромная, с ярким, украшенным узором, ковром, позолоченной мебелью, красными атласными обоими с золотым рисунком и зеркалами в золотых рамах. Кровать с балдахином на четырех столбах отполированных из черного дерева, установленная на массивном фиолетовом постаменте, с золотисто-красными занавесками по бокам, верх сделан в виде куполообразного балдахина из плиссированной шелковой ткани. Создается такое впечатление, лежа на этой кровати, что ты находишься в шатре, выполненным необузданным Версаче.

Мы поворачиваемся друг к другу.

— Смело, — одновременно говорим мы и смеемся.

— Сколько это стоит?

— Больше, чем смелость героя.

У меня вырывается смешок.

— Ну, давай посмотрим ванную.

Темно-золотистые мраморные стены, кремевые колонны, мраморные полы шоколадного цвета с синими прожилками, золоченые зеркала, ниши, куда можно присесть на скамейку, покрыты бронзовой мелкой плиткой, золотые краны и всевозможные

приспособления, на мраморной столешнице стоят туалетно-косметические принадлежности от Hermes.

— Похоже впереди нас ждет неплохое времяпрепровождение, — говорит Блейк, многозначительно глядя на круглое джакузи в центре.

Я широко улыбаюсь.

— Полночная ванна?

— Разве я смогу отказать такой красивой женщине?

— Я никогда не была в джакузи.

— Глаза никогда не лгут. Твои говорят мне раздвинуть твои ноги и поглотить тебя, — его голос становится низким и с нотками страсти.

Я с теплотой смотрю в его глаза, которые темные от голода, и мой живот скручивает от возбуждения.

— Мне нравится слово избыточная роскошь, оно несет с собой какую-то сексуальность, — шепчу я.

Мы берем красное Ferrari, предоставляемое отелем, которое несется с таким ревом, словно какой-то зверь, когда Блэйк переключает скорость. Дубай, оказывается, усеян камерами контроля скорости, и фактически каждая из них мигает, когда Блейк проносится мимо.

Мы едим в Атмосфере, самым высоким ресторане в мире, сто двадцать три этажа от земли. Вид захватывают дух.

— Я чувствую себя опьяненной, — объявляю я.

Блейк поднимает брови, но ничего не говорит, я ставлю коктейль назад.

— Ты, похоже, не возражаешь, не так ли? — спрашиваю я, весело.

— Нет, совсем нет. На самом деле, мне даже довольно любопытно, потому что я никогда не видел тебя пьяной.

Я хихикаю, словно школьница, и смотрю на него сквозь опущенные ресницы.

— Что? — спрашивает он.

— У меня такое ощущение, будто я всегда тебя знала, возможно, даже в других жизнях.

— Знаешь, на что ты похожа? — шепчет он.

Я наклоняюсь вперед.

— Скажи мне.

— На силу, ворвавшуюся в мою жизнь, бросившую меня против ветра, и потом водрузила меня в огонь. Потом заставила восстать меня из пепла, возродиться, словно Фениксу.

— Вау! Это глубоко, — я машу рукой в сторону стеклянной стены, через которую видно небо. — И ты летаешь там, в небесах.

— Я, похоже, опьянен Ланой.

— Ооо... уже время десерта?

Официант приносит десерт — шоколадный шарик на тарелке, я поднимаю глаза на Блейка.

— Хочешь попробовать?

Он качает головой.

— Наслаждайся.

Я пробую. Великолепно.

Бесконечно счастливая и опьяненная спускаясь вниз по лестнице, я вдруг начинаю

нервничать. Блейк становится на колени и снимает с меня туфли, поддерживая меня за талию мы идем вперед. В скоростном лифте я чувствую себя немного нехорошо, но снаружи обдувает прохладный бриз от фонтанов, я очень быстро прихожу в себя, в предвкушении ожидая джакузи.

Блейк бросает взгляд на часы.

— Пойдем, — говорит он и подводит меня к воде, бьющей из фонтанов. Внезапно начинает звучать музыка, я с удивлением оглядываюсь вокруг, потому что это Pink и Nat Ruess.

— Они играют нашу песню, Лана.

Я смотрю на него снизу вверх.

— Ты помнишь.

— Как я могу забыть? Это ночь навсегда отпечаталась в моем сознании. Ты была такой... такой невинной и такой прекрасной, — он берет мое лицо в ладони и поворачивает его в сторону фонтанов. — Смотри на танцующие фонтаны, — говорит он, стоит вплотную позади меня.

Я прислоняюсь к нему спиной и посмотрю на все с полным изумлением. Люди вокруг меня снимают на камеры телефоном это грандиозное зрелище. Действительно, фонтаны танцуют. Парят вверх, наклоняются, изгибаются, бегут всполохами по поверхности воды, и все это происходит в одном темпе с музыкой. Это зрелище настолько прекрасное, что меня переполняет такая радость, что непроизвольные слезы текут у меня по щекам.

Когда последний фонтан затихает, он разворачивает меня назад к себе лицом.

— Почему ты плачешь?

Я громко всхлипываю.

— От счастья, просто не обращай на меня внимание.

— Пока я не встретил тебя, я никогда не хотел слез женщины, но твои хочу. Я хочу твои вздохи, хочу твой смех, твою радость, твой запах, твою улыбку. Я хочу всю тебя.

За своей спиной я слышу звуки фейерверка, взглянув на небо, разноцветные каскады огней парят в темноте. Их там много и они постоянно взрываются и высвечиваются по всему небосклону яркими вспышками, Блейк, достает кольцо из кармана пиджака и надевает его мне на палец.

Я смотрю на самый крупный розовый бриллиант, который я когда-либо могла видеть. Он казался бы безвкусным, если бы не простая огранка и потрясающее глубина цвета. В падающем отсвете от салюта его блеск похож на розовый огонь. Кольцо идеально село на палец и бриллиант такой большой и красивый, чтобы не быть... неужели это и есть такое кольцо? Возможно ли такое? Я потрясенно смотрю в глаза Блэйка, вспышки от фейерверка озаряют его лицо.

— Ты просишь меня выйти за тебя замуж?

— Неа.

— Ох, — появляется легкий ветерок, который кидает на нас пыль брызг из фонтана, освещающая мою кожу, это очень хорошо подходит для моей разгоряченной кожи.

— Если я спрошу тебя, то могу получить «нет», а я не приму ответа «нет». Поэтому я сообщаю тебе, что мы собираемся пожениться.

Мгновение я смотрю в эти красивые прекрасные глаза, на этот жесткий непреклонную челюсть с прямой линией рта, аристократический нос, а потом обвиваю его за шею, и наши губы встречаются в самом красивом поцелуе, глубоком, соблазнительном и романтическом,

и таком прекрасным, что я совсем забываю о фейерверке, людях и фонтане.

Я знаю, что, когда он впервые поцеловал меня, тогда целую вечность назад, он целовал не мои губы, а мою душу.